С.Ф. Либрович

ИМПЕРАТОР ПОД ЗАПРЕТОМ

SHOUT
SHARE
IT

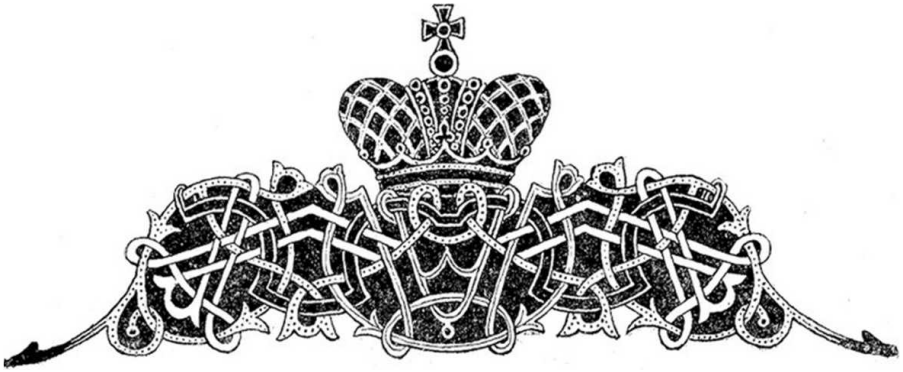
Annotation

Упоминание о нем считалось преступлением. Были уничтожены все следы его царствования. Он поплатился пожизненным заточением за то, что четыреста четыре дня носил титул Императора Всероссийского. Трагическая история Иоанна Антоновича — русской «железной маски».

- Сигизмунд Либрович
  - Введение
  - Вступление
  - Маленький венценосец и его большие враги
  - При Великой княгине-правительнице
  - Конец царствования малютки-императора
  - Опасный соперник
  - Два императора
  - Неожиданная развязка
  - Холмогорские узники
  - Заключение
- notes
  - 1

Сигизмунд Либрович
Император под запретом
Двадцать четыре года русской истории

Введение



Среди ярких страниц русского прошлого совершенно особое место занимает история малютки-императора, «императора в колыбели», который в течение 404 дней носил царскую корону, наименование державного повелителя миллионов людей и был одним из венценосцев на престоле Великого Петра.

В исторической цепи событий кратковременное царствование этого императора-малютки тесно и неразрывно связано с последующими переживаниями России и сыграло видную роль в судьбах страны. Между тем, хотя данный исторический момент достаточно изучен историками, он далеко не общеизвестен в своих полных глубокого интереса подробностях.

Цель автора настоящей книги была — дать научное, но в то же время популярное изложение всех фактов и событий рассматриваемой эпохи, с надлежащим беспристрастным их освещением, доступное как для массы читателей, так и в особенности для подрастающего юношества, интересующегося историей.

Все, рассказанное в книге, основано на печатных источниках и трудах ученых-исследователей, русских и иностранных, а фигуры действующих лиц, равно как и настроения современного общества, очерчены на основании воспоминаний и записок современников.

Вступление

Ранним утром 31 декабря 1741 года на улицах Петербурга раздался барабанный бой.

В те времена существовал обычай все важнейшие царские указы и распоряжения правительства объявлять при барабанном бое. Поэтому при первых же звуках барабана улицы столицы наполнились народом, желавшим узнать, какой именно вышел новый указ.

Это было всего месяц после того, как дочь Петра Великого, цесаревна Елизавета Петровна, стала русской императрицей. И, конечно, все с особенным любопытством ждали каждого нового указа, каждого нового объявления ее правительства.

Отряд гвардейцев, пройдя несколько улиц с барабанным боем, остановился на площади, прилегавшей к Невскому проспекту. Офицер, который шел во главе отряда, развернув большой сверток с государственной печатью, начал громко читать:

«Божиею милостью Елизавета Первая, Императрица и Самодержица Всероссийская и прочая, и прочая, и прочая. Известно и ведомо да будет каждому следующее…»

Затем он прочел длинный указ, в котором говорилось, что по распоряжению ее величества вменяется в обязанность всем, у кого сохранились серебряные рубли и другие монеты, выпущенные за время между кончиной императрицы Анны Иоанновны и вступлением на престол Елизаветы Петровны, доставлять на

монетный двор, где они должны быть перелиты на новые. Прежние же монеты, выпущенные в указанное время, отнюдь не держать и не хранить.

Серебряный рубль с вензелем императора Иоанна Антоновича 1740 г. чеканки С.-Петербургского монетного двора, еще сто лет назад оцениваемый собирателями в 1000 рублей.

«Сей указ, — закончил офицер, — подписан собственною Ее Императорского Величества рукою «Елисавет» и по Ее Величества повелению скреплен Государственною печатью».

При последних словах офицер поднял высоко над головой только что прочитанную бумагу, с тем чтобы все могли видеть подпись и печать.

Никаких объяснений, почему новая императрица настаивает на возврате монет, выпущенных за время между смертью Анны Иоанновны и воцарением ее самой, в указе не давалось.

Отряд гвардейцев прошел дальше. Народ стал медленно расходиться, недоумевая и обсуждая странный царицын указ.

Странный — потому что никогда раньше подобные указы не издавались: монеты, отчеканенные при одном государе, продолжали беспрепятственно обращаться при его преемниках, и никто не требовал ни их возврата, ни их обмена.

Так как за время между смертью Анны Иоанновны и вступлением на престол Елизаветы Петровны, т. е. в течение одного года и тридцати девяти дней, с 17 октября 1740 года по 25 ноября 1741 года, царствующим императором считался Иоанн III Антонович и его изображение или вензель украшали отчеканенные за этот год с небольшим монеты, то, очевидно, означенный указ касался исключительно монет, выпущенных в обращение при Иоанне Антоновиче.

Император Иоанн Антонович.

Вслед за упомянутым указом был объявлен другой, в котором Елизавета Петровна требовала, чтобы все, у кого сохранились портреты Иоанна Антоновича в каком бы то ни было виде, таковые немедленно уничтожили, а деловые бумаги, паспорта и прочие документы с именем Иоанна Антоновича представляли в Сенат для обмена на новые. Спустя некоторое время последовал еще один указ, предлагавший представлять и сдавать в надлежащие учреждения все книги, в которых напечатано было имя императора, и запрещался ввоз таких иностранных книг, в которых значилось это имя. Наконец, особым указом повелевал ось все церковные книги, где упоминалось имя Иоанна, все присяжные листы на верность подданства ему и т. п. — сжечь, и для этой цели были устроены на Васильевском острове, на площади перед зданием Коллегии, особые костры, — там предавалось уничтожению все, что только носило имя Иоанна Антоновича.

Таковы были указы новой императрицы. Но этим не ограничились. В дополнение к ним было объявлено, что кто будет уличен в том, что оставил у себя монеты с изображением или

вензелем Иоанна Антоновича, тот подвергнется суровому наказанию — отрубанию руки.

В страхе подвергнуться такой жестокой каре, в то время применявшейся за неповиновение воле правительства, все, у кого остались злополучные монеты, спешили снести их на монетный двор. Нашлись все-таки смельчаки, которые сохранили монеты Иоанна Антоновича, пряча их в подвалы или зарывая в землю. Однако таких смельчаков оказалось немного, судя по тому, что серебряные рубли и полтины времен Иоанна Антоновича, выпущенные монетными дворами в Москве и Петербурге в значительном количестве, являются теперь величайшей редкостью. Собиратели монет оценивают сейчас рубль Иоанна Антоновича в тысячу и больше рублей, и даже торговцы редкими монетами объявляют в своих каталогах, что готовы приобрести такие рубли по цене не ниже тысячи, а за серебряные полтины с изображением Иоанна Антоновича предлагают четыреста и более рублей. Столь же редкими считаются и подлинные портреты императора-малютки, выпущенные в виде гравюр, так как и их уничтожали все, у кого они хранились, опасаясь преследований со стороны правительства новой императрицы или строгой кары, которой грозило это правительство ослушникам.

Серебряный рубль с изображением императора Иоанна Антоновича 1741 г. чеканки Московского монетного двора, также величайшая редкость.

Но не только хранение монет, портретов, документов, книг и т. п., носивших имя или изображение Иоанна Антоновича, преследовалось в царствование Елизаветы Петровны: запрещено было даже упоминание его имени в разговоре. Само правительство тщательно избегало называть имя злополучного

императора. Когда же приходилось все-таки упоминать о деловых бумагах, снабженных его именем, употребляли выражение «документы известным титулом», а сам Иоанн Антонович и его родители назывались «известными персонами». Точно так же и всем властям вменено было в обязанность отнюдь не упоминать имени бывшего императора, а если явится необходимость, применять выражение «известная персона».

Редкая медаль с изображением императора Иоанна Антоновича работы Гафса.

Очевидно, издавая эти указы и запрещения, правительство Елизаветы Петровны хотело не только уничтожить всякие следы кратковременного царствования Иоанна Антоновича, но желало вырвать из памяти народа даже сам факт этого царствования. Все должны были забыть, что в течение четырехсот четырех дней после кончины Анны Иоанновны в России вообще был император.

Иоанн Антонович во все двадцатилетнее царствование

Елизаветы Петровны был «императором под запретом». Но и после этого, когда императрица Елизавета скончалась и ее место на престоле занял сначала Петр III Феодорович, а затем императрица Екатерина II Алексеевна, Иоанн Антонович все же оставался таким же «императором под запретом», упоминание о котором считалось преступлением.

О месте пребывания этого «запретного» императора хранилась в течение многих лет строгая тайна, в которую были посвящены только самые близкие ко двору сановники, а документы, в которых упоминалось его имя, продолжали подвергаться уничтожению еще в течение долгого времени.

Почему так? Почему была сделана попытка вырвать из истории Российского государства те страницы, которые относились к кратковременному царствованию 1740–1741 годов?

Ответ на этот вопрос дают подробности восшествия на престол Елизаветы Петровны и печальная история ее предшественника, венценосца-малютки, который за один год с небольшим мнимого царствования или, вернее, за то, что он четыреста четыре дня носил титул Императора Всероссийского, поплатился пожизненным заточением и безвременной насильственной смертью.

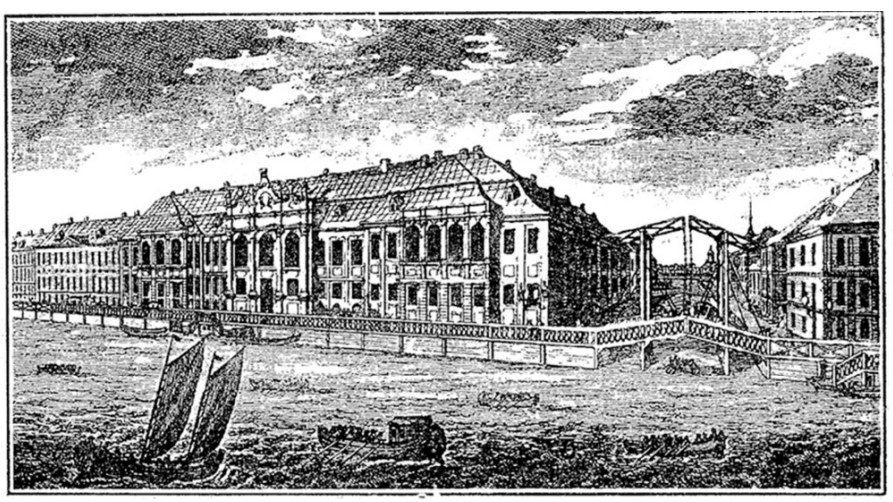
Маленький венценосец и его большие враги

1

Пушечные выстрелы со стен петербургской крепости оповестили в полдень 12 августа 1740 года жителей столицы о важном и радостном событии в семье царствовавшей тогда уже десятый год императрицы Анны Иоанновны: у племянницы государыни, брауншвейгской принцессы Анны Леопольдовны родился сын-первенец.

Событие это имело большое значение, потому что вдовствовавшая императрица Анна Иоанновна, не имея детей, еще задолго до того определила, что если у ее племянницы родится сын, то ему быть наследником русского императорского престола.

Как только весть о рождении принца разнеслась по Петербургу, со всех концов столицы в Зимний дворец, где жила Анна Иоанновна, стали съезжаться вельможи и сановники — поздравить императрицу и «выразить свои радостные чувства».



Зимний дворец в Санкт-Петербурге в XVIII веке.

Однако на самом деле радость испытывали далеко не все. Многих из сановников, духовенства, вельмож, воинских чинов и даже народа огорчала мысль, что наследником русского престола, а со временем и русским императором, станет сын

незначительного немецкого принца и немецкой же принцессы, каким являлся новорожденный внучатный племянник Анны Иоанновны.

Отцом новорожденного был Брауншвейг-Люнебургский и Вольфенбюттельский принц Антон-Ульрих, который родился и детство провел в Германии; матерью была дочь Мекленбург-Шверинского герцога Леопольда, родившаяся тоже в Германии, в Ростоке, где она провела первые годы жизни и где была крещена по обряду лютеранской протестантской церкви, носила сначала имя Елизавета-Екатерина-Христина и лишь на 15-м году жизни, по желанию императрицы Анны Иоанновны, была присоединена к православию под именем Анны. Правда, мать принцессы Анны Леопольдовны, герцогиня Екатерина Иоанновна, сестра императрицы Анны Иоанновны, была родной дочерью царя Иоанна Алексеевича, т. е. племянницей Петра Великого.

Но в Петербурге жила более близкая преемница Петра Великого: родная дочь его, царевна Елизавета Петровна. Последняя, как полагали, имела гораздо больше прав на русский престол, нежели приезжая принцесса и ее наследник. Сторонники Елизаветы считали царевну «обиженной судьбой сиротою», лишенною уже раз, десять лет назад, возможности стать русской императрицей после смерти императора Петра II Алексеевича, внука Петра I.

Тогда горсть сановников, входивших в состав так называемого Верховного тайного совета, обошла Елизавету и призвала на царство проживавшую в Митаве курляндскую герцогиню Анну Иоанновну, дочь царя Иоанна Алексеевича, поставив ей условием, что она во всем будет подчиняться желаниям и указаниям Верховного тайного совета. Анна Иоанновна, не ожидавшая стать русской императрицей, без возражений приняла все ограничивавшие ее власть условия, или так называемые «кондиции», которые представили ей члены названного совета, рассчитывавшие сами управлять государством. Однако вскоре, опираясь на содействие других сановников и вельмож, недовольных Верховным тайным советом, забравшим власть в свои руки, Анна Иоанновна разорвала подписанные ею «кондиции» и объявила себя самодержавной Всероссийской Императрицей, а дело управления государства передала своему курляндскому камергеру Бирону, которому она доверяла во всем гораздо больше, нежели русским сановникам.

МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МІЛОСТІЮ, МЫ АННА ІМПЕРАТРИЦА, И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІИСКАЯ,

и протчая, и протчая, и протчая.

По благополучномъ и счастливомъ Нашемъ прибытіи въ Москву, и вступленіи на россійскій Престолъ, вѣрныя Наши подданныя, какъ Духовныя, такъ и Свѣтскія, всѣ въ вѣрности Намъ, к Государству, присягу чинили. Но понеже потомъ вѣрныяжъ Наши подданныя, всѣ единогласно Насъ просили, да бы Мы Самодержавство въ Нашей россійской Имперіи, какъ издревле Прародители Наши имѣли, воспріять соизволили. По которому ихъ всенижаишему прошенію. Мы то Самодержавство воспріять и соізволили. И для того вновь прісягу сочинить, и въ печать издать повелѣли, по которой да имѣютъ всѣ вѣрныя Наши подданныя, какъ духовныя, такъ и Свѣтскія, въ Москвѣ прісутствующія, и во всеи Нашеи Всероссіискои Имперіи обрѣтающіяся въ вѣрности своеи, къ Намъ яко Самодержавнои Государынѣ прісягать, и на томъ Слово и Крестъ цѣловать, и ко оной подпысыватца. Данъ въ Москвѣ Февраля 28 дня, 1730 года.

У ПОДЛИННАГО ПОДПИСАНО ЕЯ ІМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛІЧЕСТВА, СОБСТВЕННОЮ РУКОЮ ТАКО:

АННА.

Манифест 28 февраля 1730 года о восприятии императрицей Анной Иоанновной самодержавия, отпечатанный в Москве при Сенате.

Не имея детей, императрица приблизила к себе свою племянницу из Ростока, переехавшую еще ребенком с матерью в Петербург, поместила у себя во дворце, приставила к ней воспитателей и воспитательниц, заставила принять православную веру. Когда же принцесса подросла, императрица сама выбрала для нее жениха — жившего в Петербурге немецкого принца Антона-Ульриха Брауншвейг-Люнебургского — и выдала за него замуж, с тем чтобы первому ребенку, который родится от этого брака, передать все права наследства на русский престол. Царевну же Елизавету Петровну императрица решила совершенно устранить и даже намеревалась с этою целью выдать ее замуж за иностранного принца, с тем чтобы царевна уехала совсем из России.

Но царевна решительно отказалась от этого брака, заявив, что никогда не выйдет замуж. Проживая одиноко в отдельном дворце, она не теряла, однако, надежды, что рано или поздно ей удастся сделаться русской императрицей. Рождение принца, который еще до своего появления на свет был объявлен наследником, не могло не вызвать тревоги в Елизавете и ее сторонниках, и радоваться им, конечно, было нечего.

Мрачно встретили рождение родственника Анны Иоанновны и те сановники и вельможи, которые рассчитывали посадить на русский престол жившего в Киле, в Германии, внука императора Петра I, сына царевны Анны Петровны, бывшей замужем за герцогом Голштейн-Готторпским, — двенадцатилетнего герцога Карла-Петра-Ульриха, единственного мужского пола потомка Великого Петра. Юный голштинский герцог, по мнению этих вельмож, как внук Петра имел гораздо больше прав стать наследником русского престола, нежели новорожденный принц, приходившийся двоюродным внуком императрице Анне Иоанновне.

Не мог радоваться и Бирон, всесильный и могущественный министр императрицы Анны Иоанновны, который лелеял надежду, что ему удастся женить своего сына Петра на принцессе Анне Леопольдовна и что таким образом русский престол перейдет к роду Бирона. Кроме того, Бирон ненавидел принца Антона-Ульриха, отца новорожденного, и опасался, чтобы тот в случае смерти императрицы не занял в государстве видной роли и не устранил от власти Бирона и его приверженцев.

Мало радости доставило рождение принца войску и народу.

Боялись, что теперь еще больше усилится значение Бирона и ненавистных иноземцев, окружавших Анну Иоанновну и являвшихся, по общему убеждению, виновниками всех притеснений и невзгод, которые уже давно чувствовались войском и народом и вызывали глухой ропот и неудовольствие.

Иных же пугала мысль, что в случае смерти императрицы, которая стала часто хворать, бразды правления на многие годы — до того времени, когда новорожденный принц в состоянии будет сам управлять государством — перейдут в руки кучки вельмож, преследующих одни только личные свои выгоды.

Об общей радости по поводу рождения принца-наследника престола едва ли поэтому могла быть речь. Никто, однако, не решался открыто высказывать свои чувства, опасаясь преследований и опалы. Все делали вид, что разделяют радость императрицы.

Если были люди, искренно радовавшиеся событию, то принадлежали они к числу лишь тех, что окружали принцессу Анну Леопольдовну и ее супруга и надеялись упрочить еще больше свое положение при дворе и сохранить или получить выгодные места.

Крещение новорожденного принца, которому по желанию императрицы, в память его прадеда, царя Иоанна Алексеевича, дано было имя Иоанн, обставлено было большой торжественностью. А после крещения младенца понесли в отведенные для него заранее, с необычайною роскошью отделанные комнаты в Зимнем дворце, рядом с комнатами самой императрицы, и уложили в специально сделанную золотую колыбель с короной. Целый штат прислуги, придворных дам и камергеров был приставлен к новорожденному принцу. Сама императрица ежедневно несколько раз заходила в комнаты младенца, справляясь о здоровье своего любимца «Иоаннушки».

2

Спустя два неполных месяца после рождения принца Иоанна Антоновича, 5 октября 1740 года, с императрицей Анной Иоанновной за обедом сделалось дурно. Врачи нашли, что здоровье ее величества внушает опасение и что следует ожидать скорой ее кончины.

В виду этого Бирон в качестве первого министра спросил больную императрицу, не желает ли она особым манифестом точно определить, к кому в случае ее смерти должен перейти престол. Императрица подтвердила свое прежнее заявление о

том, что избрала себе в законные наследники принца Иоанна. Но принцу было только еще два месяца, а потому следовало, по принятому обычаю, назначить регента, который до совершеннолетия Иоанна Антоновича держал бы в своих руках бразды правления, то есть управлял бы государством от имени младенца-венценосца.

Опасаясь, что в случае смерти императрицы могут по этому поводу возникнуть недоразумения и волнения, министры составили для подписи императрицы манифест, в котором указывалось, что в случае кончины ее до совершеннолетия наследника, принца Иоанна, «империя должна быть управляема по особому уставу и определению, кои изложены будут в уставе Правительствующего Сената».

Императрица подписала манифест, но необходимо было, чтобы она сама, кроме того, назначила лицо, которое после ее кончины заняло бы пост правителя государства. Так как императрица не указала, кого именно она желает назначить регентом, то сановники решили сами выбрать и предложить государыне подходящее лицо. По этому поводу среди сановников и вельмож начались рассуждения и споры. Одни желали, чтобы регентство было поручено матери принца, принцессе Анне Леопольдовне; другие находили, что регентом следует назначить принца Антона, отца будущего императора. Были такие, которые требовали, чтобы принц Антон и принцесса Анна совместно правили государством до тех пор, когда венценосный младенец, достигнув совершеннолетия, сам будет в состоянии принять управление в свои руки. Наконец, раздавались голоса, что регентом необходимо назначить одного из опытных в деле управления сановников, близко стоящих к императрице Анне Иоанновне.

В конце концов сановники остановили свой выбор на Бироне как лице наиболее опытном в деле управления и составили об этом манифест, который умирающая императрица подписала дрожащей рукой.

Анна Иоанновна скончалась 17 октября 1740 года, а на следующий день был обнародован указ, в котором объявлялось, что, согласно воле почившей императрицы, регентом до того времени, когда принц Иоанн — теперь уже наименованный императором — достигнет 17-летнего возраста, назначен герцог Бирон, который на основании этого получает «мочь и власть управлять всеми государственными делами».

Указ этот был разослан с особыми гонцами по всей России.

При дворе курляндских герцогов, в столице Курляндии Митаве, в конце XVII века служил конюхом некто Бюрен — немец, местный уроженец. У конюха Бюрена был внук, большой шалопай и повеса. Отправленный за границу, он записался в число студентов Кенигсбергского университета, но курса не кончил и поехал искать счастья в Петербург, надеясь получить какое-либо место при русском дворе, подобно многим другим иностранцам. Но надежды Бюрена не оправдались: его не приняли. Тогда он отправился сначала в Ригу, затем в Митаву, где ему удалось пристроиться в качестве канцелярского писца у обер-гофмаршала двора вдовствующей герцогини курляндской Анны Иоанновны — Петра Михайловича Бестужева-Рюмина. Однажды писец Бюрен во время болезни обер-гофмаршала, по поручению последнего, отвез герцогине в ее загородный замок какие-то бумаги для подписи. Ловкий, смелый, сообразительный, он сумел понравиться Анне Иоанновне толковым объяснением содержания всех тех дел, которые требовали ее решения. Подписав бумаги, Анна Иоанновна вступила с ним в разговор и в заключение выразила желание, чтобы он и впредь являлся к ней по делам, требующим ее подписи. Прошло всего несколько недель, и герцогиня назначила Бюрена своим секретарем, а немного спустя возвела его в звание камер-юнкера.

Заняв таким образом видное положение при дворе герцогини, ловкий писец сообразил, что низкое происхождение и неказистая фамилия могут служить ему помехой в его дальнейшей карьере. Недолго думая он переменил фамилию «Бюрен», очень распространенную в Курляндии, на «Бирон» и стал доказывать, что он прямой потомок знатного французского рода Биронов. Вслед за тем он начал хлопотать о том, чтобы его причислили к курляндскому дворянству, ссылаясь между прочим на то, что отец его в польском войске служил офицером. А когда ему в этом отказали, он обратился с жалобой к герцогине. Та настояла на удовлетворении ходатайства Бирона, и, несмотря на противодействие со стороны знатных курляндских вельмож, Бирон достиг своей цели — был причислен к курляндскому дворянству.

Анна Иоанновна все больше и больше привязывалась к своему секретарю, считая его самым способным и преданным из окружающих ее сановников. Многие курляндские вельможи не скрывали своего неудовольствия по поводу того, что важный пост при герцогском дворе занял человек, как они считали, весьма низкого происхождения, никому не известный и не имеющий никаких заслуг. Чтобы возвысить Бирона и прекратить неудовольствие вельмож, Анна Иоанновна решила женить своего

любимца на девушке из какой-нибудь старинной знатной дворянской фамилии. Выбор герцогини пал на ее фрейлину Бенигну Готлиб фон Тротта-Трейден, некрасивую, болезненную старую деву, которая и стала женой камер-юнкера Бирона.

Герцогиня Бенигна Готлиб Бирон.

С тех пор значение и влияние Бирона росли все больше и больше и известность его проникла в Петербург. Поэтому когда в 1730 году Верховный тайный совет после смерти Петра II решил призвать на русский престол Анну Иоанновну, то, опасаясь влияния Бирона, поставил условием, чтобы Бирон в Россию не приезжал. Герцогиня на первых порах согласилась, как согласилась и на все другие поставленные ей условия, и Бирон действительно остался в Курляндии. Но забрав вскоре всю власть в свои руки, Анна Иоанновна послала в Митаву за своим камер-юнкером. Мало того, при русском дворе новая императрица назначила его на должность обер-камергера — звание, поставившее Бирона сразу выше сенаторов.

Приехав в Петербург, Бирон, совершенно чуждый России и ее интересам, не выказывал склонности заниматься государственными делами. Его интересовали только карты да лошади, до которых он был большой охотник. Но это продолжалось недолго: императрица, мало доверяя тем новым для нее лицам, среди которых она очутилась в России, сама потребовала от Бирона, чтобы он продолжал быть ее советником и принимал участие в государственных делах. Властолюбивый Бирон принял это предложение с радостью.

Пользуясь своим безотчетным влиянием на императрицу, он сразу дал почувствовать всем окружающим свою силу и значение. Охотно поощряя тех, которые соглашались быть его приверженцами, Бирон в то же время старался избавиться от всех врагов и завистников, стоявших на его пути, хотя бы это были даже знатные и важные сановники. Князья Долгорукие, кабинет-министр Волынский, Еропкин и другие самые близкие к престолу вельможи по проискам Бирона были устранены, отданы под суд, отправлены в ссылку или даже казнены. Бирон никого не щадил и окружил себя только такими людьми, в чью преданность он верил, преимущественно немцами, или теми из русских, которые соглашались поддерживать его, как, например, бывший обер-камер-юнкер граф А. П. Бестужев-Рюмин, и с их помощью стал править Россией, издавая от имени Анны Иоанновны один указ за другим.

Наступило тяжелое время для тех, кто не разделял замыслов жестокого, сильного волей Бирона. По словам современников, Бирон терзал все государство, все сословия, заботясь только об утверждении своей власти и приобретении новых богатств и новых почестей. А они следовали действительно одна за другой: императрица, слепо доверявшая во всем Бирону, жаловала его поочередно графом Российской империи, кавалером ордена

Андрея Первозванного, поместьями со многими тысячами крепостных крестьян и другими драгоценными подарками. Мало того, императрица настояла на том, чтобы курляндцы выбрали Бирона в герцоги, и бывший писец стал «герцогом Курляндии, Лифляндии и Семигалии», продолжая в то же время распоряжаться Русской империей и строго, настойчиво, неуклонно требуя исполнения своих приказов и желаний.

От имени императрицы и с ее согласия он особенно строго требовал уплаты податей. Чтобы побудить к большему усердию воевод при взимании недоимок, Бирон приказал тех, кто мало их собирал, заковывать в кандалы. Воеводы, сберегая себя, не жалели народа. По деревням разъезжали для взыскания недоимок воинские команды и именем императрицы отбирали у крестьян скот, одежду — словом, все, что можно было продать, а если все-таки не удавалось собрать достаточно денег, немилосердно били крестьян по подошвам. В народе господствовало твердое убеждение, что поступающие деньги Бирон берет себе на содержание своего двора и исполнение своих прихотей. Рассказывали, что у его жены бриллиантов на два миллиона и гардероба на полмиллиона, что один костюм самого Бирона, унизанный жемчугом, стоит 100 000 рублей, что в его конюшнях стоят сотни дорогих коней, что дворец его утопает в золоте и пр. и что все это приобретено на деньги, выколоченные у бедного народа.

Стоны и жалобы по этому поводу не доходили до Анны Иоанновны, а если иногда и доходили, то Бирону и его приверженцам удавалось убеждать императрицу, что народ бунтует и что только строгостью и жестокостью можно удержать его в повиновении.

Впрочем, не один только простой и бедный народ роптал на Бирона: значительная часть богатого дворянства тоже была недовольна всевластным курляндцем. Но из страха преследований, опалы и даже казни никто не решался громко высказывать свои чувства и мысли.

Бирон отлично знал, что его ненавидят, что про него распускают всевозможные слухи, что у него много врагов, и завел повсюду доносчиков, которые передавали все, что о нем говорилось. Тех, кого оговаривали, схватывали и, обвиняя в разных государственных преступлениях, предавали пыткам, а потом и казни.

Конечно, не один только Бирон был виновником всех бедствий, невзгод и жестокостей, творившихся в царствование Анны Иоанновны. И другие сановники, окружавшие его и подчинявшиеся ему во всем, поступали по его примеру. Дорожа

своим выгодным положением, чинами, наградами, они являлись достойными сотрудниками жестокого правителя. Но народ приписывал все это любимцу императрицы, беспрекословно утверждавшей все его приказы.

И вот этот-то ненавистный всем, за исключением толпы царедворцев, Бирон после смерти императрицы Анны Иоанновны стал полновластным правителем государства — регентом, которому предоставлены были на много лет все права царствующего императора.

4

«Именем Его Императорского Величества Божиею милостью Государя Императора Иоанна Антоновича приглашаю всех сановников, всех придворных, всех служащих, верно служивших почившей императрице, незабвенной государыне Анне Иоанновне, остаться на своих постах…»

Наиболее схожий портрет императора Иоанна III.

Так обратился Бирон на другой день после воцарения младенца-императора к собравшимся во дворце сановникам и вельможам, после того как прочел им манифест о кончине императрицы, вступлении на престол Иоанна Антоновича и вручении ему, Бирону, регентства до совершеннолетия малолетнего императора.

За исключением очень немногих прямых, открытых и

непримиримых врагов Бирона, поспешивших удалиться от двора на первых порах нового царствования, те же самые сановники, которые при Анне Иоанновне играли видную роль и постоянно окружали императрицу, остались и при новом императоре. Кроме герцога Бирона, его брата — генерала Густава Бирона и двух сыновей герцога — подполковников гвардии Петра и Карла Биронов, это были: вице-канцлер граф А. И. Остерман, его сын, капитан гвардии И. А. Остерман, фельдмаршал граф Б.-Х. Миних, его сын, обер-гофмаршал И.-Э. Миних, гофмаршал граф Левенвольде, директор Коммерц-коллегии барон Менгден, генерал-адъютант барон фон Люберас, А. И. Бестужев-Рюмин, тайный советник князь Черкасский, обер-шталмейстер князь Куракин, генерал Ушаков, гофмаршал Шепелев, генерал-поручик Салтыков и другие.

Генерал-адъютант Андрей Иванович Ушаков.

Генерал-адъютант барон Иоганн-Людвиг фон Люберас.

Несмотря на ненависть, которую некоторые из них питали в душе к Бирону, все с раболепным подобострастием высказывали свою радость по поводу назначения его регентом империи и принесли на верность ему присягу. Сенат и генералитет просили его принять титул высочества, а синод распорядился, чтобы в церквах при молебственных возглашениях упоминалось, рядом с именем императора-малютки и императорской семьи, имя Эрнста-Иоганна как правителя империи.

Но Бирон все-таки не считал положение свое прочным. Он знал, что у него много врагов и в народе, и среди знати, и в войске, и постоянно боялся заговоров и лишения власти. И вот он задумал упрочить свое положение целым рядом милостей и таких распоряжений, которые, по его мнению, должны были вызвать сочувствие к нему и привлечь враждебных ему людей на его сторону. С этой целью он в качестве регента, от имени Иоанна Антоновича, издал манифест, чтобы законы впредь соблюдались строго и суд велся правый, беспристрастный, ко всем равный; велел освободить многих преступников от наказания; распорядился, чтобы ограничена была лишняя роскошь при дворе, вызывавшая громадные расходы, и запретил носить платья

дороже четырех рублей за аршин; оказал разные милости лицам, которые в царствование императрицы Анны Иоанновны попали в опалу; сделал распоряжение, чтобы часовым в зимнее время давались шубы, без которых они раньше сильно мерзли, и т. д. Цесаревне Елизавете Петровне, очень нуждавшейся в деньгах, назначил выдавать ежегодно 50 000 рублей (что к началу XX века составило бы около полумиллиона); родителям императора-младенца — 200 000 рублей в год и т. д.

Однако все эти распоряжения не приводили к желанной цели. Из доносов Бирон узнавал, что против него замышляют заговоры с разных сторон, что в гвардии существует намерение возвести в регенты принца Антона Брауншвейгского, что сам принц в кругу своих приближенных утверждает, будто императрица Анна Иоанновна вовсе не подписывала манифеста о назначении Бирона регентом, что манифест этот подложный и т. п.

Бирон не вытерпел, отправился к принцу Антону и стал упрекать его в том, что он затевает смуту.

— Я знаю, принц, вы надеетесь, что Семеновский и Кирасирский полки, в которых вы состоите подполковником, поддержат вас, но вы меня этим не запугаете!

На следующий день после этого разговора принц Антон вместе с принцессой Анной Леопольдовной поехали к Бирону. Герцог еще резче стал выговаривать принцу, что он замышляет какие-то козни, интриги.

— На мне лежит обязанность охранять порядок и спокойствие в государстве. Поэтому если с вашей стороны будут сделаны какие-либо шаги, нарушающие спокойствие, я буду вынужден выслать вас и все ваше семейство в Германию и вызвать оттуда в Россию принца голштинского. И это я сделаю! — грозно заключил Бирон.

Перепуганная принцесса бросилась на шею Бирону и обещала, что будет сама смотреть за мужем.

Но Бирон не удовольствовался обещанием. Он велел арестовать приближенных принца, в том числе его адъютанта Граматина, и допросить в Тайной канцелярии, а затем вызвал и самого принца для объяснений перед нарочно созванным собранием кабинета министров, сенаторов и генералов, причем допрос вел грозный и известный своей жестокостью генерал Ушаков. Принц со слезами сознался, что он действительно хотел произвести бунт и овладеть регентством. Тем не менее, Бирон не решился принять каких-либо крутых мер против отца императора и ограничился тем, что заставил его отказаться от всех военных чинов, о чем и было объявлено Военной коллегии особым указом за подписью «Именем Его Императорского Величества Иоганн

регент и герцог». Близких к принцу людей, действовавших в его пользу, Бирон велел наказать кнутами.

5

Между тем ненависть к Бирону и его клевретам увеличивалась даже при дворе и невольно переносилась и на младенца-императора. Да и вообще с первых же дней своего царствования маленький император Иоанн Антонович был окружен со всех сторон врагами, явными и тайными, или лицемерами, которые думали только о личных своих выгодах, о сохранении или улучшении своего положения. Были среди окружавших императора такие, которые мечтали о том, чтобы посадить на престол цесаревну Елизавету Петровну, были и такие, которые хотели вызвать в Россию внука Петра, голштинского принца, и его посадить на престол. Лиц, искренно преданных новому императору, было очень мало.

Неудовольствие росло одновременно среди дворянства, народа и войска. Главный повод к нему подавало то обстоятельство, что маленького императора окружали в большом числе иностранцы — немцы, занявшие самые высокие посты и распоряжавшиеся от его имени судьбою государства: Бироны, Остерманы, братья Левенвольде, Менгдены, Минихи и другие. Малютке-императору шел всего третий месяц, когда он был провозглашен императором. Значит, в течение целых 16 лет, до совершеннолетия его, можно было предполагать владычество немцев. Но так как и воспитание маленького императора находилось в руках тех же немцев, то даже от совершеннолетия Иоанна Антоновича не ожидали никаких перемен. Русским людям, понятно, казалось обидным, что немцы правят Россией. «Неужто матушка-Русь оскудела своими, русскими людьми!» — говорили многие, но говорили лишь между собой, опасаясь шпионов, опалы, ссылки, пыток. Число недовольных росло, однако, с каждым днем.

Казалось бы, что по крайней мере в лице Бирона император-малютка должен был иметь верного и преданного защитника. На самом же деле Бирон думал только о том, чтобы самому стать полновластным правителем, раздать все важные должности своим людям. А в то же время в его голове уже зрели планы, как устранить всю Брауншвейгскую фамилию и открыть путь к престолу если не себе, то своему сыну или дочери. Если курляндская герцогиня могла стать русской императрицей, то почему потомкам курляндского герцога, т. е. Бирона, не

достигнуть престола? Правда, эта курляндская герцогиня приходилась родственницей Петру Великому, но разве путем брака нельзя породнить сына или дочь Бирона с потомками Петра? Разве нельзя, например, выдать дочь замуж за проживавшего в Киле внука великого царя, Карла-Ульриха Гольштейн-Готторпского и провозгласить его императором всероссийским? Или женить сына на цесаревне Елизавете и сделать ее императрицей, а Иоанна Антоновича и его родителей арестовать, заточить или выслать из России?

Так думал Бирон, до поры до времени сохраняя за собой звание регента при малолетнем Иоанне Антоновиче.

Родители императора-младенца и их приближенные жили в постоянном страхе за свою участь. Они только и мечтали о том, чтобы нашелся кто-нибудь, кто избавил бы их от Бирона. Ждать пришлось недолго.

Император Иоанн Антонович.

В полдень 7 ноября 1740 года в Зимний дворец, где жили принцесса Анна Леопольдовна и ее сын, император Иоанн Антонович, был приведен отряд кадет, из числа которых принцесса хотела выбрать себе пажей.

Во главе отряда явился во дворец фельдмаршал граф Бурхард-Христофор Миних, которого принцесса знала уже давно и которого считала одним из преданных ей лиц.

Миних принадлежал к числу иностранцев, которых вызвал в Россию еще Петр Великий. Родом он был из немецкого графства Ольденбург, принадлежащего в то время Дании, где отец его дослужился до чина полковника и надзирателя за водяными работами. Шестнадцатилетним юношей Миних вступил во французскую военную службу по инженерной части, затем перешел в Гессен-Дармштадтский корпус, оттуда в Гессен-Кассельский, служил некоторое время в Саксонии, наконец предложил свои услуги императору Петру I, который, признавая в Минихе выдающегося знатока военно-инженерного дела, принял его на русскую службу на должность генерал-инженера.

Одаренный величественной наружностью и геройской осанкой, он отличался соответствующей наружному виду неустрашимостью и твердостью характера. К тому же был предприимчив и трудолюбив. Большой знаток военного и инженерного дела, он строил при Петре Ладожский канал, который стал одним из самых больших сооружений, предпринятых великим преобразователем России.

Петр высоко ценил знания, опыт и энергию Миниха.

— Из всех иностранцев, бывших в моей службе, — говорил про него Петр, — Миних лучше всех умеет предпринять и производить великие дела.

Преемники Петра, Екатерина I и Петр II, тоже ценили Миниха как знатока военно-инженерного дела.

С вступлением на престол Анны Иоанновны Миних был назначен председателем особой комиссии, имевшей целью ввести разные новые порядки в войске, членом кабинета по военным делам; принимал видное участие в осаде Данцига, в походе в Крым и т. д. Строгий, взыскательный, он иногда вызывал даже ропот в армии, потому что в походах не щадил никого; но все же солдаты, в особенности гвардейцы, любили его, называли «соколом», а в Европе, после войны с турками, Миних приобрел славу отличного полководца.

Бирон недолюбливал Миниха, опасался его как соперника, который может отнять у него власть, но все же и он ценил его как

видного военного деятеля и, став регентом, старался заручиться его расположением. Миних, в свою очередь, поддержал Бирона, когда во время предсмертной болезни императрицы Анны Иоанновны возник вопрос, кому быть регентом, и вообще считался сторонником Бирона. Но когда последний, став во главе государственного управления, не дал Миниху более значительного поста, на который фельдмаршал твердо рассчитывал, он возненавидел Бирона и, притворяясь его другом и сторонником, только и ждал случая, как бы отомстить надменному, гордому и неблагодарному регенту.

Такой случай явился именно 7 ноября после смотра кадет.

После того как кадеты были представлены Анне Леопольдовне и отпущены домой, принцесса пригласила Миниха к себе и со слезами на глазах стала ему жаловаться на притеснения со стороны Бирона.

— Я знаю, — заключила принцесса, — что регент думает выслать нас из России. Я готова к этому, я уеду; но употребите, фельдмаршал, все ваше влияние на регента, чтобы по крайней мере мне можно было взять с собою сына.

Выслушав принцессу и сообразив, что он, устранив Бирона, сам мог бы легко стать регентом, Миних тотчас же обещал принцессе непременно освободить ее от этого ненавистного человека.

На следующий день Миних опять был у принцессы и объявил ей, что план у него готов и что он намерен схватить и арестовать регента. Принцесса сначала испугалась мысли об этой опасной затее, предлагала сперва посоветоваться с близкими ей людьми, но в конце концов согласилась на предложение фельдмаршала, доказывавшего, что медлить нельзя, советоваться же опасно, ибо легко может случиться, что кто-нибудь передаст о затее Бирону.

Не показывая вида, что им задумано опасное для регента предприятие, Миних решил в ближайшую же ночь осуществить задуманное. Накануне он по обыкновению заехал к Бирону, обедал у него и, по его приглашению, приехал еще раз вечером.

Бирон, точно предчувствуя что-то недоброе, вдруг обратился к Миниху:

— Господин фельдмаршал! Вы предпринимали что-нибудь важное ночью?

Миних, не обнаруживая смущения, ответил:

— Не могу припомнить, предпринимал ли я в моих военных делах ночью что-либо чрезвычайное, но всегда держался правила пользоваться благоприятным случаем.

В одиннадцать часов вечера Миних уехал, а Бирон улегся спать.

Возвратившись из дворца от Бирона, Миних позвал своего адъютанта Манштейна и велел ему быть наготове для важного дела. В два часа ночи Миних с Манштейном в карете отправились в Зимний дворец. Миних велел разбудить принцессу. Поговорив с ней минуту, он приказал позвать караульных офицеров-преображенцев. Все они были преданы Миниху и, как и он, ненавидели Бирона. Когда преображенцы вошли, принцесса сказала, что она не может больше сносить обиды от Бирона, что велела его арестовать, поручив это дело фельдмаршалу Миниху, и надеется, что храбрые офицеры будут повиноваться своему генералу и помогут осуществить задуманное.

— Надеюсь, — закончила трепещущая и взволнованная Анна Леопольдовна, — что вы сделаете это для вашего императора и его родителей, а преданность ваша не останется без награды.

— Согласны вы исполнить волю ее высочества? — спросил вслед за тем Миних.

Офицеры-преображенцы все в один голос заявили готовность пойти за фельдмаршалом, куда бы он их ни повел.

Затем, сойдя вниз, где находились в караульне солдаты, офицеры объявили им, в чем дело. Солдаты с радостью приняли весть и тоже подтвердили свою готовность исполнить беспрекословно то, что им прикажет фельдмаршал.

По приказанию Миниха, его адъютант Манштейн с отрядом солдат направился ко дворцу, в котором жил Бирон, и пробрался в спальню спавшего глубоким сном регента. Услыхав шум, Бирон проснулся, соскочил на пол, а когда солдаты, по приказанию Манштейна, подошли взять его, он стал кричать, обороняться, отмахиваться кулаками направо и налево. Тогда солдаты повалили его на пол, заткнули ему носовым платком рот, связали руки, закутали в одеяло и вынесли в караульню. Здесь набросили на него солдатскую шинель, посадили в карету Миниха, куда сел с ним офицер, и повезли в Зимний дворец.

Ребенок-император в это время спал. У его кроватки стояла трясущаяся от страха и волнения Анна Леопольдовна, рядом с ней — фрейлина принцессы Юлиана Менгден, поодаль — принц Антон-Ульрих, только что проснувшийся и лишь теперь узнавший о намерении свергнуть Бирона, так как его не сочли нужным посвящать в тайну заговора. Все они дрожали при мысли, что затея Миниха может не удасться и тогда им всем угрожает ужасная месть со стороны Бирона.

Но вот, в шесть часов утра, в спальню вошел Миних и заявил, что преображенцы благополучно исполнили данное им поручение, не пролив даже крови, и что Бирон арестован.

Не медля ни минуты, устроили тут же небольшое совещание,

решив отправить Бирона (которого держали пока связанного в караульне дворца) в Александро-Невский монастырь, а на следующее утро отвезли его под конвоем верных Миниху преображенцев в крепость Шлиссельбург.

Вслед за Бироном, в ту же ночь, арестовали и всех его главнейших сторонников и приверженцев.

При Великой княгине-правительнице

1

Петербург ликовал. Девятого ноября 1740 года, в тот день, когда стало известным, что ненавистный всем Бирон устранен от власти, арестован, что кончилось его владычество, — столица была иллюминована.

Переворот произошел так быстро и так неожиданно, что никто вначале не хотел верить. К дворцу хлынули толпы народа, громко и восторженно выражая свою радость.

Никто не жалел жестокого и надменного временщика — человека, совершенно случайно достигшего почестей и знатности, «выскочки-иностранца», как называли ненавистного курляндского герцога. Народ плясал на площадях, незнакомые люди, встречаясь на улицах, обнимались, как друзья, и плакали — от избытка радости.

«Еще не было примера, — доносил своему правительству в тот же день французский посланник при русском дворе де-ла-Шетарди, — чтобы в здешнем дворце собиралось столько народа и чтобы весь этот народ обнаруживал такую неподдельную радость, как сегодня».

Надеялись и ждали, что новые люди, которые станут во главе управления, заведут новые порядки, что грозная «бироновщина» с доносами, пытками, опалами на невинных людей будет отменена, что жить станет легче в России, что страна вступит в новую, светлую, счастливую жизнь.

Рано утром 9 ноября 1740 года отправлены были гонцы ко

всем министрам и сановникам — с приглашением прибыть в Дворцовую церковь для принесения присяги матери императора, принцессе Анне Леопольдовна, занявшей место Бирона. Собраны были ко дворцу и все находившиеся в Петербурге гвардейские полки.

Началась церемония присягания на верность Анне Леопольдовне, которая была тут же провозглашена великой княгиней всероссийской и правительницей государства до совершеннолетия императора-младенца. Министры и вельможи присягали в дворцовой церкви, гвардия — на площади перед дворцом. После присяги маленького венценосца поднесли к одному из окон дворца и показали народу и войску. Его приветствовали громким «ура!».

Спустя два дня после низвержения Бирона был объявлен первый указ за подписью Анны Леопольдовны как правительницы. Все лица, способствовавшие перевороту, были щедро награждены чинами, деньгами, поместьями, даже дорогим платьем, отнятым у Бирона. Начались новые назначения: «государь-родитель», принц Антон, назначался генералиссимусом русской армии; «первым в империи» после генералиссимуса велено быть графу Миниху; супруге Миниха, указывалось в манифесте, «первенство иметь пред всеми знатнейшими дамами, в том числе и тех иностранных принцев, которые состоят на русской службе». Вице-канцлеру Остерману пожалован был чин генерал-адмирала, причем ему повелевалось оставаться кабинет-министром; князю Черкасскому — чин великого канцлера; Головкину — вице-канцлера и кабинет-министра; камергеру графу Петру Салтыкову — звание генерал-адъютанта и чин действительного армейского генерал-лейтенанта; Ушакову, Головину, Куракину — Андреевский орден и т. д.

Кроме того, графу Миниху правительница пожаловала 100 000 рублей, серебряный сервиз и виртенбергское поместье Бирона, отнятое у последнего в числе другого имущества. Своей любимой фрейлине Юлиане Менгден Анна Леопольдовна подарила четыре дорогих кафтана Бирона и три кафтана его сына, мызу Остер-Пален и крупную сумму денег. Не менее крупную сумму получили граф Левенвольде и другие лица.

Одновременно с возвышением тех из прежних сановников, которых Анна Леопольдовна считала своими верными приверженцами, последовал целый ряд новых назначений, и новые лица стали теперь играть видную роль при дворе императора-малютки.

Эти назначения имели подчас курьезный характер. Так, например, некоторые камергеры и чиновники дворцовой конторы,

не имевшие никакого понятия о военной службе и никогда ее не проходившие, переименовывались в генерал-адъютанты.

Среди вновь назначенных лиц, начавших играть роль при дворе, обращал на себя внимание и особенно вызывал зависть генерал-адъютант Дмитрий Антонович Шепелев. Сын простолюдина, он был сначала смазчиком придворных карет, а затем поступил в гвардию и благодаря своим способностям быстро стал возвышаться и дослужился до чина гофмаршала.

Другой вновь назначенный генерал-адъютант, Петр Федорович Балк, служил при императрице Анне Иоанновне чиновником в придворной конторе.

В генерал-адъютанты был возведен и барон Иоганн-Людвиг фон Люберас, который при Анне Иоанновне занимал должность обер-церемониймейстера.

Раньше все эти лица больше или меньше раболепствовали перед Бироном, льстили и поклонялись ему. Многие из них ему и были обязаны своей карьерой, были, как говорится, его креатурами. А теперь, с окончательным падением Бирона, они стали с таким же усердием преклоняться перед новой правительницей и ее супругом.

Во всех указах о новых назначениях говорилось, что данные лица «пожалованы рангом Его Императорским Величеством», т. е. малолетним Иоанном, которому шел третий месяц. Подписывались же указы Анной Леопольдовной «именем Его Императорского Величества».

Казалось бы, все должны были быть довольны. Между тем повторилась та же история, что при господстве Бирона: все были недовольны. Недовольны были и те, которых облагодетельствовала правительница за устранение Бирона, и те, которые почему-либо не попали в списки удостоенных благодарности. Весь двор, начиная с высших сановников и кончая последним лакеем, считал себя обиженным и обойденным.

Больше всех был недоволен Миних. Он оказался обманутым в своей надежде занять при новой правительнице такое место, какое занимал Бирон при Анне Иоанновне, и уж во всяком случае получить главенство над всей армией. Правда, в манифесте правительницы было сказано, что ему, Миниху, в государстве быть первым после принца Антона — но это были лишь почетные слова, не дававшие никакой власти. Генералиссимусом, т. е. главным начальником над всей армией, был назначен принц Антон, а главным министром, руководителем всех дел — Остерман.

Между Минихом и принцем Антоном началась раздоры: и тот и другой хотели властвовать над армией. Принц Антон стал

жаловаться правительнице и при этом высказывал опасение, как бы хитрый фельдмаршал при помощи преданной ему горсти солдат не сделал с принцессой — теперь великой княгиней — то же, что сделал он с Бироном, причем ссылался на мнение, высказанное в этом отношении заточенным в Шлиссельбурге Бироном. Анна Леопольдовна испугалась и сильно охладела к Миниху, вследствие чего Миних 6 марта 1741 года подал в отставку. Он был убежден, что правительница, помня, какую услугу он оказал арестом Бирона, не примет отставки, будет просить остаться, наградит новыми почестями. Фельдмаршал, однако, ошибся: его отставка была принята и тотчас же объявлена войску.

2

В то время как во дворце заводились новые порядки, Бирон печально ждал своей участи в Шлиссельбурге. Он знал, что его решено отдать под суд, чувствовал и предвидел, что пощады ему и его приверженцам не будет. Раз он жестоко преследовал когда-то своих противников, то, конечно, противники расправятся и с ним не менее жестоко. Знал он также, что коль скоро утвердилось новое правительство, то ему, Бирону, не будет помощи даже со стороны тех, которые раньше делали вид, что преданы ему.

Действительно, против падшего регента было выставлено множество обвинений в «безобразных и злоумышленных» преступлениях, крупных и мелких. Следствие и суд длились долго, и только 18 апреля 1741 года обнародован был манифест «о винах бывшего регента герцога курляндского». Ему вменялись в вину захват обманом регентства, намерение удалить из России императорскую фамилию с целью утвердить престол за собой и своим потомством, небрежение к здоровью государыни, «малослыханные» жестокости, водворение немцев, усиление шпионства и так далее. Между прочим ему поставлено было даже в вину то, что, будучи лютеранином, он не ходил в свою кирку. За все вины Сенат приговорил бывшего регента к смертной казни четвертованием, но правительница, по настоянию Остермана и других, смягчила этот приговор лишением чинов, знаков отличия, имущества и ссылкой со всем семейством в отдаленный, почти совершенно отрезанный от мира сибирский городок Пелым, на расстоянии трех тысячи верст от Петербурга.

Бывший регент Российской империи был привезен в Пелым с женой, двумя сыновьями и дочерью, под конвоем капитан-поручика Викентьева, поручика Дурново и 12 солдат. С

ссыльными приехали лютеранский пастор, два лакея, два повара и две женщины-прислуги. Для помещения Бирона с семейством был срочно построен близ Пелыма, на крутом берегу реки Тавды, в густой тайге, небольшой деревянный дом, обнесенный со всех сторон высоким забором. План этого дома начертил фельдмаршал Миних.

3

Надежды и упования, что с отстранением Бирона от власти и переходом регентства в руки принцессы Анны Леопольдовны все изменится к лучшему, не оправдались. От новой правительницы ждали новых законов, ждали улучшений в положении народа, ждали разных других преобразований, но в тщетном ожидании проходили дни, недели, месяцы…

Сама принцесса Анна Леопольдовна, или, как она стала именовать себя, великая княгиня Анна, от природы робкая, необщительная, застенчивая, совершенно незнакомая с делами управления, не обладала необходимыми для лица, стоящего во главе государства, качествами, в особенности силой воли и твердостью характера.

О личности Анны Леопольдовны сложились два разноречивых мнения: одни из современников считали ее очень умной, доброй, человеколюбивой, презирающей притворство, снисходительной, великодушной, милой в обхождении с людьми. Другие, напротив, упрекали ее в надменности, тупости, скрытности, презрении к окружающим ее, утверждали, что она посредственного ума, капризная, вспыльчивая, нерешительная, ленивая. Рассказывали, что она большую часть дня проводит за карточным столом или лежа на софе за чтением поэзии, мало заботясь о государственных делах. Передавали, что, одетая в простое спальное платье и повязав непричесанную голову белым платком, так как ей лень было заниматься туалетом, Анна Леопольдовна нередко по несколько дней сряду сидит во внутренних покоях своего дворца, часто надолго оставляя без всякого решения важнейшие дела, на которых требовалась ее подпись правительницы государства. Допускала она к себе лишь самых приближенных лиц, главным образом родственников любимой фрейлины Менгден и некоторых иностранных посланников, которых приглашала для карточной игры.

Сознавая свою неспособность решать сложные государственные дела, она говорила:

— Как бы я желала, чтобы сын мой вырос поскорее и начал

сам управлять делами!

С первых же дней правления Анны Леопольдовны при дворе начались ссоры и распри между соперничавшими друг с другом царедворцами, велись интриги, а о самом малютке-императоре мало заботились, хотя все указы и распоряжения делались от имени Иоанна Антоновича. Всецело отданный на попечение фрейлины Менгден, младенец проводил все время в своих комнатах, и его редко и как-то неохотно показывали. Не показывали императора даже гвардии во время парадов и иностранным посланникам в дни торжественных выходов и представлений при дворе.

По этому поводу происходили иногда большие недоразумения. Один из посланников, маркиз де-ла-Шетарди, считал себя обиженным, что его не допускают к Иоанну Антоновичу, и, указывая, что он назначен посланником при дворе «его величества», требовал, чтобы ему было дозволено вручить полученные от французского короля документы самому императору или по крайней мере в его присутствии. Шетарди угрожал даже, что уедет из Петербурга, если ему не будет дана возможность представиться самому императору-малютке. После длинных по этому поводу переговоров правительство Анны Леопольдовны наконец согласилось.

К назначенному дню младенца, одетого в парадное платье, вынесли на руках в большой зал дворца. Там были собраны все министры и вельможи. Императора усадили в кресло, и маркиз Шетарди, окруженный всеми членами французского посольства, сказал непосредственно по адресу Иоанна Антоновича небольшую речь, а затем передал полученные документы, которые приняла «от имени его величества» Анна Леопольдовна.

Другой посланник — австрийский, маркиз Ботта — указывая правительнице, что положение ее опасное, что в народе, в особенности в гвардии, растет неудовольствие, говорил:

— Ваше высочество, вы на краю пропасти. Ради Бога, спасите себя, спасите сына и мужа!

Но все это было напрасно: Анна Леопольдовна не изменила ни своих привычек, ни своего образа жизни.

Вообще Анна Леопольдовна не предпринимала ничего, что бы могло упрочить ее положение. Она не замечала, как растет к ней ненависть, не знала о том, что повсюду открыто ропщут, что правительница окружает себя преимущественно иностранцами, что «проклятые немцы» захватывают власть в свои руки, что никаких законов на пользу народа и в облегчение его тяжелого положения не издается. Не подозревала Анна Леопольдовна и того, что у нее имеется опасная соперница в лице цесаревны

Елизаветы Петровны, которая только и ждет момента, чтобы занять ее место.

4

Двенадцатого августа 1741 года Петербург украсился флагами: столица праздновала день рождения императора Иоанна Антоновича, вступившего во второй год жизни.

При дворе был траур по покойной императрице Анне Иоанновне: год со дня кончины еще не прошел. Но на этот день траур был снят.

Во всех петербургских церквах с утра шла торжественная служба. В полдень на площади перед Зимним дворцом состоялся парад находившимся в столице войскам, а затем в самом дворце — прием духовенства, министров, высших военных и гражданских чинов, посланников, а также и знатных дам.

Все были одеты и настроены по-праздничному.

В этот раз уже поневоле пришлось Анне Леопольдовне, согласно принятому обычаю, выйти к собравшимся в большой зале сановникам; рядом с ней дежурная фрейлина несла на руках малютку-императора. На него была надета Андреевская лента. За правительницей и императором следовали принц Антон-Ульрих и разные придворные чины.

В числе явившихся для поздравления была и цесаревна Елизавета Петровна, которая одной из первых подошла к сидевшим на возвышении в золоченых креслах Иоанну Антоновичу и Анне Леопольдовне с установленным придворным церемониалом того времени низким поклоном.

Начались обычные приветствия и поздравления, которые принимала правительница от имени императора, с недоумением сидевшего в большом золоченом кресле на возвышении и с любопытством глядевшего на собравшуюся толпу сановников, длинной вереницей проходивших перед ним.

Молодой поэт Ломоносов, только начинавший приобретать тогда известность своими стихами, написал по случаю дня рождения Иоанна Антоновича длинную торжественную оду, в которой, обращаясь к императору, выражался так:

Породы царской ветвь прекрасна,
Моя надежда, радость, свет,
Счастливых дней Аврора ясна,
Монарх, младенец райской цвет,
Позволь твоей рабе нижайшей

В твой новый год петь стих тишайший.

Дальше — «целуя ручки, что к державе природа мудра в свет дала», Ломоносов предсказывает, что они

…будут в громкой славе
Мечом страшить и гнать врага…
Лишь только перстик ваш погнется,
Народ бесчислен вдруг сберется,
Готов идти куда велит…

Затем, обращаясь к ножкам младенца-императора, «что лобзать желают давно уста высоких лиц», поэт пророчествовал:

В Петров и Аннин след вступите,
Противных дерзость всех стопчите;
Прямой покажет правда путь;
Вас храбрость над луной поставит…

Вечером Петербург был роскошно иллюминован, а во дворце опять собрались знатнейшие сановники и вельможи с женами и дочерьми.

М. В. Ломоносов.

Никто из приближенных к правительнице еще тогда не думал, что дни царствования маленького императора сочтены, что совершается последнее празднество в честь Иоанна III. А тот же Ломоносов в написанной спустя несколько недель второй оде на «первые трофеи Иоанна III и на победу над шведами 23 августа 1741 г.», заявлял:

В бою российский всяк солдат,
Лишь только б для Иоанна было,
Твоей для славы лишь бы слыло,

Желает смерть снести сто крат.

Меньше всего думала об опасности беспечная Анна Леопольдовна, не подозревавшая, что под искренним на вид ликованием по поводу годовщины рождения младенца-императора у многих из собравшихся сановников скрывалась ненависть к «Брауншвейгской фамилии», как называли всю родню принца Антона-Ульриха, и готовность примкнуть к перевороту, который положил бы конец «царствованию иноземцев».

5

«Кто имеет какое-нибудь дело к правительнице Анне Леопольдовне, тот должен обратиться к фрейлине ее высочества, баронессе Юлиане Магнусовне Менгден. Без нее никакое дело правительницей не только не решается, но даже не рассматривается».

Такое мнение сложилось среди сановников и вельмож. И действительно, баронесса Менгден играла в царствование Иоанна Антоновича видную роль, и без ее посредничества не обходилось ни одно событие.

Император Иоанн Антонович.

Юлиана Менгден была дочь знатного лифляндского помещика. Когда в 1736 году императрица Анна Иоанновна пожелала иметь между придворными фрейлинами дочерей лифляндских дворян, одними из первых были вызваны в Петербург Юлиана Менгден и ее сестра Анна-Доротея. Юлиане было тогда 16 лет. Императрица назначила ее фрейлиной к своей племяннице Анне Леопольдовне, которая была ее ровесницей. Принцесса очень привязалась к своей фрейлине, сделала ее своей подругой, делилась с ней всеми горестями и радостями, поверяла ей все свои тайны.

Выросшая в поместье своего отца барона Магнуса-Густава фон Менгден, Юлиана, как и вообще дочери лифляндских дворян того времени, получила очень скудное образование. Ее враги насмешливо утверждали, что она умела только «болтать на

французском наречии и печь немецкие кюммель-кухены», т. е. особые пирожные. Но она была ловкая, хитрая и сумела всецело завладеть принцессой, стать необходимым для нее человеком.

Однажды во время торжественного приема у императрицы принцесса Анна Леопольдовна, которой было тогда всего 16 лет, обратила внимание на молодого саксонского и польского посланника, графа Линара, который ей очень понравился. Принцесса пожелала познакомиться с красавцем-посланником и написала ему записку, которую передала по назначению ее фрейлина, Юлиана. После этого между графом Линаром и принцессой, при посредстве той же Юлианы, началась оживленная переписка, и принцесса уже мечтала о том, что граф Линар будет ее женихом. Но императрица Анна Иоанновна резко отвергла эту мысль, устранила воспитательницу принцессы, госпожу Адеркас, допустившую переписку между Анной Леопольдовной и посланником, и решительно заявила:

— Моя племянница — девица царской крови и может выйти замуж только за принца или герцога. Принцессам не полагается самим выбирать себе женихов. И я, по совету моих министров и по указанию дружественного нам австрийского двора, уже наметила для нее жениха: Анна выйдет замуж за сына герцога Брауншвейг-Люнебург-Вольфенбюттельского, принца Антона-Ульриха.

Анна Леопольдовна скрепя сердце подчинилась этому решению, резко осуждая министров за то, что из-за них должна выйти замуж за человека, которого она не любит.

Действительно, застенчивый, робкий, неловкий, очень ограниченный, невзрачный на вид, сильно заикавшийся, Антон-Ульрих не мог нравиться принцессе. Но вопрос о том, что именно он должен быть «суженым» Анны Леопольдовны, был решен императрицей уже давно. Принц еще десятилетним мальчиком прибыл в Россию, и его нарочно воспитывали вместе с принцессой Анной, в надежде, что между ними установится прочная привязанность. Надежды эти не оправдались. Анна возненавидела принца-заику. Тем не менее, согласно воле императрицы, брак молодой пары состоялся 14 июля 1739 года, а 23 августа 1740 года у принцессы родился сын — первенец, нареченный именем Иоанн в честь своего прадеда, царя Иоанна Алексеевича.

Граф Линар, которому в свое время предложено было уехать из России, вернулся в Петербург только после смерти Анны Иоанновны, когда Анна Леопольдовна уже была замужем за Антоном-Ульрихом и стала правительницей. Тогда у нее и возникла мысль выдать замуж за графа свою любимицу Юлиану

Менгден, на что со стороны той последовало полное согласие.

Когда, после падения Бирона, бразды правления перешли к Анне Леопольдовне, Юлиана сразу заняла первое место при дворе, почти совершенно отстранив правительницу от государственных дел.

Иоанн Антонович тоже всецело был отдан на попечение фрейлины Менгден. Дверь ее собственной комнаты выходила в спальню венценосного малютки. Без разрешения фрейлины никто не допускался к императору, без ее разрешения его никому не показывали. Кормилица императора, весь штат прислуги при нем — все были подчинены фрейлине.

Слабовольная правительница подпадала все больше и больше под влияние своей любимицы, дня не могла прожить без нее, большую часть времени проводила в ее обществе, следовала всем ее советам. Фрейлина же под предлогом болезненного состояния правительницы старалась, чтобы Анну Леопольдовну поменьше тревожили государственными вопросами и, с согласия последней, решала сама многие дела.

Принц Антон-Ульрих был очень недоволен тем влиянием, которое имела фрейлина на его жену, и между ним и Юлианой Менгден происходили нередко ссоры. Недоволен он был и тем положением, которое занял при дворе граф Линар, которому Анна Леопольдовна оказывала особые почести: уговорила перейти на русскую службу, сделала своим обер-камергером.

Как-то раз Линар намекнул, что напрасно Анна Леопольдовна довольствуется скромным титулом правительницы, что ей следовало бы возложить на себя корону и объявить себя императрицей, по крайней мере до тех пор, пока ее сын станет совершеннолетним. То же самое повторили потом граф Левенвольде и министр Головкин. Анна Леопольдовна поддалась этим советам и даже велела заготовить соответственный манифест, намереваясь объявить его в годовщину дня своего рождения. И фрейлина Менгден, и граф Линар, и многие другие приближенные к правительнице были убеждены, что провозглашение Анны Леопольдовны императрицей не вызовет никаких волнений, а между тем укрепит их положение.

Но в числе лиц, близких ко двору, был один, который считал осуществление этого проекта очень опасным и предвидел возможность падения всей Брауншвейгской фамилии.

Этот человек был Остерман.

Граф Андрей Иванович Остерман.

6

Как при Анне Иоанновне место первого советника, вдохновителя всех указов и распоряжений занимал немец-курляндец Бирон, так при Анне Леопольдовне таким вдохновителем явился немец-вестфалец граф Андрей Иванович Остерман.

История жизни этого человека, игравшего видную роль в судьбе императора-малютки, не лишена интереса.

В семье лютеранского пастора в местечке Бохуме в германской Вестфалии в 1686 году родился мальчик, которому, по обычаю, принятому у лютеран, дали двойное имя Генрих-

Иоганн.

Когда мальчик подрос и стал юношей, отец поместил его в университет в Иене. Там юный студент поссорился с одним из товарищей, вызвал его на дуэль и ранил. Опасаясь наказания, он бежал в Амстердам, где в то время адмирал Крюйс, по поручению императора Петра I, набирал людей для службы в России. Юноша нанялся в числе других и поехал в Россию, где он думал занять скромное место учителя немецкого языка. Но судьба готовила ему более высокое положение. Быстро научившись по-русски, юноша как-то случайно обратил на себя внимание Петра, приобрел его доверие, и царь назначил его сначала переводчиком Посольского приказа (как тогда называлось ведомство иностранных дел), а затем секретарем этого учреждения.

Этот юноша был Генрих-Иоганн Остерман, который в России стал именоваться Андреем Ивановичем.

Ловкий, умный, сообразительный, он сумел приобрести расположение Петра. Царь стал ему поручать разные дипломатические дела и за удачное их выполнение дал ему звание вице-президента Коллегии иностранных дел. С вступлением на престол императрицы Екатерины I Остерман возвысился до ранга вице-канцлера, а когда императрицей стала Анна Иоанновна, он был в числе тех, которые советовали ей порвать условия, предъявленные Верховным тайным советом, и объявить себя самодержавной императрицей. Анна Иоанновна, ценя советы Остермана, наградила его графским титулом. С прибытием в Петербург Бирона Остерман стал одним из его близких друзей и советников во всех важнейших государственных делах. А когда, в виду приближения смерти Анны Иоанновны, возник вопрос, кого из сановников предложить умирающей императрице в качестве регента при малолетнем Иоанне Антоновиче, Остерман предложил составить бумагу, что «вся нация желает Бирона иметь регентом», и эта бумага, за подписью всех важнейших сановников, была представлена Анне Иоанновне.

Однако Остерман далеко не был полным сторонником Бирона во всех его мероприятиях, а когда наступило царствование Иоанна Антоновича и Бирон начал притеснять принцессу Анну Леопольдовну, Остерман занял сторону последней. И с падением Бирона он поэтому сохранил прежние звания и обязанности и сделался при дворе Анны Леопольдовны одним из самых первых и самых важных сановников.

Хитрый и изворотливый, Остерман всегда старался избегать всего, что могло навести на него неудовольствие. Если приходилось разрешать какой-нибудь щекотливый и сомнительный вопрос, при котором требовалось его решающее

мнение, он притворялся больным, заявлял, что у него страшные колики, не являлся в совещание по такому вопросу и отказывался ставить свою подпись под нужными бумагами под предлогом, что у него «скрутило пальцы». И этим путем он не раз избегал опасности.

Зная о ссорах и интригах враждующих при дворе правительницы партий, Остерман пытался умиротворить всех, но в то же время как хитрый и умный дипломат старался постепенно очистить двор от всех тех лиц, на преданность которых он не рассчитывал.

С принцем Антоном Остерман старался сблизиться и в то же время прилагал усилия, чтобы отстранить от правительницы вице-канцлера Головкина, который становился ближайшим советником Анны Леопольдовны и, в свою очередь, стремился оттеснить Остермана.

Отличаясь большим умом и политической дальновидностью, Остерман сообразил, что положение маленького Иоанна Антоновича очень шаткое. Особенную опасность он предвидел со стороны цесаревны Елизаветы Петровны и ее приверженцев. Цесаревна часто бывала при дворе, делала вид, что очень дружна с Анной Леопольдовной, что предана ей и императору. Но Остерман ей не доверял. «Не может, — считал он, — цесаревна равнодушною быть к тому, что престол занят дальними родственниками Петра, в то время как она, дочь великого царя, совершенно отстранена». Он окружил ее шпионами, которые доносили ему о каждом шаге цесаревны, о том, где и у кого она бывает и кто у нее бывает, старались узнать, о чем разговаривает цесаревна с тем или другим из бывающих у ней лиц, какие у нее намерения и т. п.

7

Между рекой Мойкой и Лебяжьим каналом, недалеко от берега Невы, в глубине большого сада стоял один из дворцов, построенных при Петре Великом. В этом дворце жила цесаревна Елизавета Петровна с небольшим штатом прислуги.

Цесаревна жила уединенно, редко показывалась при дворе малолетнего императора и предпочитала кружок своих приближенных. То были: братья Алексей и Кирилл Разумовские, братья Александр и Петр Шуваловы, их двоюродный брат Иван Шувалов, Михаил Воронцов, Василий Салтыков, родственники цесаревны Скавронские, Ефимовские, Гендриковы и др. Все эти лица — ревностные сторонники цесаревны — собирались часто у

нее по вечерам, то играли в карты, то слушали пение любимца цесаревны Алексея Разумовского, то проводили время в оживленной беседе, в которой живое участие принимала сама хозяйка дома. Такие собрания продолжались иногда до поздней ночи.

Днем цесаревна часто ездила в гвардейские казармы, в особенности Преображенского полка, давала нередко солдатам деньги, крестила их детей, делала подарки и вообще видимо старалась приобрести себе их расположение, привязанность и любовь. Во дворец Елизаветы был открыт доступ не только офицерам гвардии, но и рядовым. И как офицеры, так и солдаты гвардии очень любили цесаревну и мечтали о том, что она станет императрицей. Однажды гвардейцы толпой окружили цесаревну в прилегающем к ее дворцу Летнем саду со словами: «Матушка, мы все готовы и только ждем твоих приказаний, что наконец велишь нам». Цесаревна испуганно ответила им усиленной просьбой молчать и не губить ни себя ни ее.

С правительницей Анной Леопольдовной цесаревна жила дружно, старалась показывать свою преданность малютке-императору и привязанность к нему. Правительница была убеждена в искренних чувствах цесаревны и, между прочим, с гордостью показывала ленточки, которые цесаревна собственноручно пришила к одежде маленького венценосца.

В числе лиц, приближенных к цесаревне и постоянно у нее бывавших, был Герман Лесток, родом француз, хотя родился он в Ганновере, в Германии, где отец его, переселившийся из Франции, был сначала цирюльником, потом хирургом.

Граф Герман Лесток.

Лесток приехал в Россию еще при Петре Великом, попал в медики к императрице Екатерине I, но в 1718 году был сослан Петром в Казань за распускание обидных слухов про царя.

С воцарением Екатерины I Лесток был возвращен в столицу и назначен медиком к шестнадцатилетней тогда цесаревне Елизавете. Цесаревна очень любила веселого, жизнерадостного француза-доктора, а он в свою очередь искренно предан был цесаревне. Ненавидя немцев, стоявших у власти, Лесток старался внушить Елизавете мысль, что если она пожелает объявить себя императрицей и устранить от престола Иоанна Антоновича и всю Брауншвейгскую фамилию, то встретит в этом со стороны

Франции и Швеции поддержку. Он предлагал свое посредничество и вошел с этой целью в переговоры с французским посланником в Петербурге. В то же время Лесток нарочно сблизился с офицерами гвардейских полков, поддерживал в них любовь к дочери великого Петра, намекал в разговорах с ними на те выгоды, которые приобретет гвардия, если Елизавета станет императрицей, и осторожно подготовлял государственный переворот в пользу Елизаветы.

Остерман узнал о планах Лестока от доносчиков, которыми он окружил двор цесаревны Елизаветы. Он предостерегал правительницу, предлагал принять разные меры, но последняя не обращала внимания на предостережения, считала их выдумкой и ко всем советам и увещаниям Остермана оставалась глухой.

Однако Остерман не переставал увещевать правительницу, настаивая на важности своих подозрений, и предлагал Анне Леопольдовна выдать замуж Елизавету за старшего брата принца Антона, чтобы этим способом удалить ее из Петербурга. Осуществить этот проект не удалось: цесаревна наотрез отказалась, повторяя то, что говорила и раньше, при Анне Иоанновне: что никогда замуж не выйдет.

Кроме Остермана, и другие предостерегали правительницу о грозившей Иоанну Антоновичу опасности со стороны Елизаветы Петровны и ее приверженцев, а граф Левенвольде старался убедить Анну Леопольдовну заточить цесаревну в монастырь.

Анна Леопольдовна и слышать не хотела. Она не доверяла доносам на Елизавету.

В то же время она опасалась, что привлечение цесаревны к ответственности может дать повод к волнениям в гвардии, которая, вероятно, пожелала бы заступиться за цесаревну.

Недалеко от дворца цесаревны Елизаветы, в большом барском доме жил французский посланник в России маркиз де-ла-Шетарди. Он приехал в Россию еще при императрице Анне Иоанновне. Французским правительством ему было дано поручение повлиять на императрицу и ее правительство, чтобы они поддержали Францию в распре, возникшей между Австрией, где недавно вступила на престол императрица Мария Терезия, и Францией, где царствовал король Людовик XV. Но Шетарди встретил в Петербурге в лице Бирона и его приверженцев противников. Вообще почти все немцы, властвовавшие при русском дворе, были на стороне Австрии. Со смертью Анны Иоанновны они, как и державшие их сторону русские сановники, оставшись у власти, продолжали поддерживать австрийские интересы и готовы были помочь Австрии в случае войны с Францией.

Людовик XV, король французский.

Бывая в домах многих сановников и вельмож и перезнакомившись с офицерами гвардии, Шетарди убедился, что Анна Леопольдовна, ее муж и вообще вся Брауншвейгская фамилия далеко не пользуются общими симпатиями. До него стали доходить слухи, что многие недовольны правительницей и ее советниками и что большими симпатиями пользуется цесаревна Елизавета, которую многие предпочли бы видеть на троне вместо малолетнего Брауншвейгского принца.

В это время к Шетарди обратился врач цесаревны Лесток. Он стал рассказывать посланнику, что Елизавета очень любит Францию, что предана ей, и в заключение намекнул, что родина

посланника приобрела бы в цесаревне несомненно верную союзницу, если цесаревна станет русской императрицей. Но для этого необходима поддержка со стороны французского правительства.

После этого разговора Шетарди решил объясниться с самой цесаревной, которая тоже уверила его в своих добрых чувствах к Франции.

Шетарди счел своим долгом сообщить об этом французскому правительству. Но оттуда посланнику ответили, что «пока император Иоанн Антонович жив, не может быть и речи о претензиях Елизаветы Петровны на российский престол».

Однако этот ответ не смутил Шетарди. Сам он был другого мнения. Он успел узнать, частью через Лестока, частью через других лиц, что в гвардии только и ждут того момента, когда цесаревна позовет войско, чтобы добыть себе престол. Знал он также, что Швеция тоже охотно встретила бы воцарение Елизаветы Петровны в надежде вернуть завоеванные Петром Великим области и что в этих видах шведское правительство не прочь поддержать цесаревну. Между Шетарди и шведским посланником в Петербурге, Нолькеном, начались по этому поводу переговоры, которые велись в строгой тайне.

Отнюдь не питая вражды к малютке-императору, не имевшему, конечно, понятия о том, что творится вокруг него, Шетарди, Нолькен и Лесток решили во что бы то ни стало лишить престола Иоанна Антоновича: первые — усматривая в этом пользу для своей родины, последний — желая возвысить цесаревну.

Между Шетарди и Нолькеном решено было, что шведы начнут войну против России, объявив в особом манифесте русскому народу, что вступают в русские пределы только ради избавления «достославной русской нации от тяжкого чужеземного притеснения и сохранения со шведами доброго соседства».

Но так как шведское правительство имело в виду исключительно выгоды Швеции, то оно, прежде чем двинуть свои войска, желало обеспечить себя обещанием со стороны Елизаветы Петровны, что, в случае успеха оказанной ей поддержки, Швеции будут возвращены некоторые области, завоеванные Петром Великим, и что шведам дано будет соответственное вознаграждение за военные расходы. Елизавета Петровна такого обещания дать не решалась. Все же шведскому посланнику удалось заручиться письменным обещанием двух близких к цесаревне лиц — Воронцова и Лестока, опасавшихся, что иначе Швеция откажется оказать свою поддержку Елизавете.

Французское правительство, во главе которого стоял

кардинал Флери, бывший воспитатель короля Людовика XV, получив новые донесения посланника и учитывая выгоды, которые может принести Франции свержение Брауншвейгской фамилии и удаление сановников, поддерживавших Австрию, решило помочь осуществлению проекта Шетарди. С этой целью посланнику была передана из Парижа крупная сумма денег.

Несмотря на то что за Шетарди усердно следили шпионы Остермана, он все же вел регулярные переговоры с цесаревной, частью непосредственно, частью через Лестока, стараясь уговорить Елизавету совершить свержение с престола малютки-императора и занять его место.

Сам Шетарди, тщательно обсудив все, решил, что в назначенный для этого день, когда Швеция начнет войну, цесаревна во главе преданной ей гвардии должна арестовать Иоанна Антоновича, его родителей и всех сторонников. Шетарди представил даже список лиц, которых надлежало арестовать прежде всего.

Согласно составленному плану, шведский король Фридрих I, подстрекаемый французским правительством, 3 июня 1741 года объявил войну России, и шведские войска двинулись в русские пределы, но на первых порах потерпели поражение. Русская армия под предводительством фельдмаршала графа Петра Петровича Ласси одержала победу под Вильманстрандом. Надежда цесаревны на помощь со стороны шведов стала вследствие этого ускользать. Но счастливое стечение обстоятельств и смелость Елизаветы Петровны пришли ей на помощь как раз в тот момент, когда сведения об ее сношениях с маркизом Шетарди дошли до Остермана и цесаревне угрожало заточение в монастырь.

9

— Ваше высочество, мне доносят, что у цесаревны Елизаветы Петровны опять устраиваются какие-то тайные совещания… Я боюсь, что…

— Ах, граф, вы все насчет Елизаветы. Я уверена, вы ошибаетесь. Елизавета так мила, так любезна со мною, так предана мне, что все это очевидно только измышление ее врагов, которые хотят меня поссорить с цесаревной…

— Нет, ваше высочество, я имею верные сведения и знаю, что между французским посланником маркизом де-ла-Шетарди и медиком цесаревны Лестоком ведутся какие-то тайные переговоры. Больше даже: мне известно, что у них составлен

заговор против вас… И если мы не примем необходимых мер, то потом будет поздно…

Такой разговор происходил между Остерманом и Анной Леопольдовной в один из ноябрьских дней 1741 года.

По настоянию Остермана в этот раз правительница решила сама переговорить с цесаревной и во время назначенного в этот вечер приема при дворе позвала ее к себе в комнату.

Разговор происходил наедине. По одним сведениям, Елизавета так твердо уверяла правительницу в неосновательности подозрений, так сильно возмущалась возведенными на нее подозрениями, что в конце разговора обе они расплакались и Анна Леопольдовна просила даже прощения у Елизаветы. По другим же сообщениям, разговор носил острый характер и Анна Леопольдовна настаивала на том, чтобы Елизавета не принимала у себя французского посланника Шетарди и порвала связь с доктором Лестоком — двумя лицами, которые, по справкам Остермана, подготовляли заговор. Елизавета ответила на эти требования отказом. «Мне неудобно сказать Шетарди, чтобы он не бывал у меня.

Если же ваше высочество не желает, чтобы он меня навещал, велите ему это сами сказать». Но Анна Леопольдовна, в свою очередь, нашла неудобным обращаться с таким предложением к Шетарди, так как это могло быть сочтено за обиду, нанесенную правительству Франции, представителем которого являлся французский посланник. Затем Анна Леопольдовна намекнула еще, что у нее имеются сведения, будто Елизавета находится в переписке с неприятельской армией шведов и что доктор Лесток от имени цесаревны ездит часто к Шетарди, передает через него письма и т. д.

— Я с неприятелем отечества моего никаких корреспонденций не имею, — отвечала Елизавета Петровна, — а о том, ездил ли Лесток к французскому посланнику, я его спрошу и, что он мне донесет, то вам объявлю.

На этом и окончился разговор, который убедил Елизавету, что Остерман и другие знают об ее планах, замыслах, надеждах, что тайна ее открыта.

Приехав к себе во дворец, цесаревна сообщила содержание разговора своим друзьям и приверженцам: Воронцову, Разумовскому, Шувалову и Лестоку. Те решили, что раз план открыт, медлить нельзя, нужно тотчас приступить к делу — аресту правительницы, иначе Елизавета рискует сама быть арестованной и заточенной в монастырь.

Елизавета в ответ на это предложение представила им всю опасность предприятия: ведь в случае его неудачи ей и ее

приближенным грозило вечное заточение, быть может даже казнь.

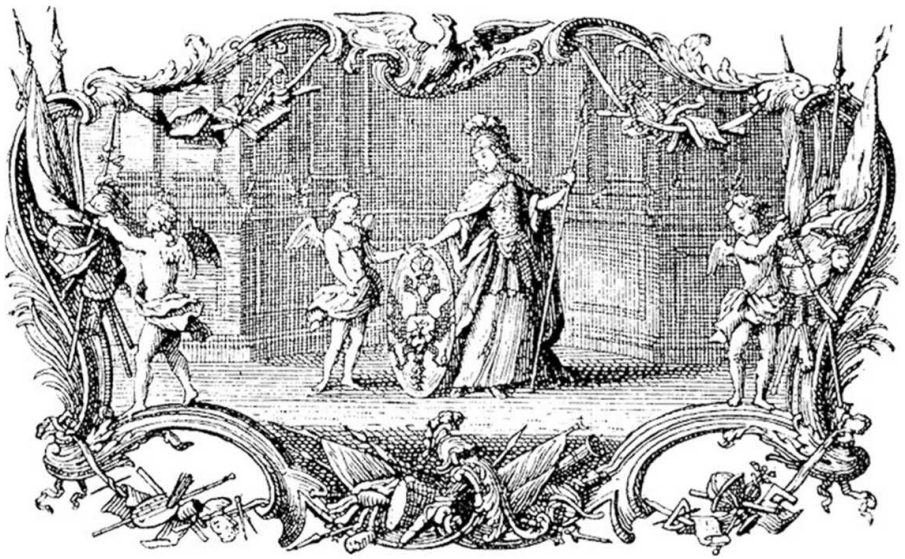
Воронцов сказал ей в ответ:

— Подлинно, это дело требует немало отважности, которой не сыскать ни в ком, кроме крови Петра Великого.

Вместе с тем сторонники Елизаветы указывали, что предстоит отправка на войну со шведами преданного цесаревне гвардейского полка. Раз этот полк уйдет из Петербурга, некому будет поддержать цесаревну в ее опасном замысле.

Елизавета понемногу сдалась на доводы окружающих и, еще раз посоветовавшись с Шетарди, решила осуществить задуманное в одну из ближайших ночей.

Конец царствования малютки-императора



1

В морозную зимнюю ночь с 24 на 25 ноября 1741 года по улицам Петербурга по направлению к Зимнему дворцу быстро катили сани, окруженные гренадерами. В санях сидела молодая красивая женщина, закутанная в шубу, из-под которой сквозила блестящая кираса, надетая поверх обыкновенного платья. Рядом с ней сидел высокий мужчина, а на запятках стояли три офицера.

Не доезжая дворца, сидевшая в санях велела остановить их и пошла пешком. Гренадеры следовали за ней. Но так как ей трудно было идти по снегу скорым шагом, частью от усталости и волнения, то гренадеры понесли ее на руках.

Эта женщина была цесаревна Елизавета Петровна, а сопровождавшие ее лица были Лесток, Воронцов и два брата Шуваловы.

Между 11 и 12 часами в ту ночь цесаревна послала за стоявшими в ее дворце на карауле гвардейцами-гренадерами и, объявив им, что идет добывать себе престол отца, незаконно захваченный посторонними людьми, спросила, готовы ли гренадеры ей помочь. Те поклялись в преданности. Цесаревна удалилась на минуту к себе, помолилась, затем вынесла из своей

комнаты крест и привела к присяге всех присутствующих.

— Когда Бог явит милость свою нам и всей России, — сказала она, — то не забуду верности вашей. Теперь ступайте, соберите роту во всей готовности и тихости, а я тотчас приеду за вами в ваши казармы.

Гвардейцы беспрекословно исполнили приказ, а цесаревна отправилась в свои комнаты и пред образом Спаса Нерукотворенного дала обет, что если взойдет на родительский престол, то во все ее царствование никто не будет предан смертной казни.

Спустя часа полтора Елизавета села в стоявшие у подъезда сани вместе с Лестоком. В других санях поместились Алексей Разумовский и Василий Федорович Салтыков. Явившись в казармы гренадерской роты Преображенского полка, цесаревна сказала:

— Ребята, вы знаете, чья я дочь, ступайте за мною! Все мы много натерпелись от немцев, и народ наш много терпит от них; освободимся от наших мучителей! Послужите мне, как служили моему отцу.

Солдаты и офицеры, заранее уже извещенные офицером Грюнштейном о готовящемся перевороте, в один голос отвечали:

— Матушка, мы готовы!

— Клянусь умереть за вас, — сказала взволнованным голосом цесаревна, став на колени, так же как и остальные присутствующие, и целуя крест. — Клянетесь ли умереть за меня?

— На том присягаем! — ответили солдаты.

— Так пойдем и будем думать только о том, чтобы сделать наше отечество счастливым во что бы то ни стало. Но знайте, что я не желаю, чтобы при этом напрасно была пролита кровь, — прибавила Елизавета.

Прибыв в Зимний дворец, цесаревна отправилась в караульню и спросила находившихся там в эту ночь солдат Семеновского полка:

— Хотите ли мне служить, как отцу моему и вашему служили? Самим вам известно, каких я натерпелась нужд и теперь терплю и народ весь терпит от немцев. Освободимся от наших мучителей!

— Матушка! Все сделаем, что велишь, — отвечали ей. — Мы давно дожидались. — И все перешли на сторону Елизаветы.

Четыре караульных офицера выказали колебание, а один, обнажив шпагу, хотел сопротивляться, считая долгом выступить на защиту императора, но его тотчас обезоружили и всех четырех арестовали. Дежурный генерал-адъютант П. С. Салтыков подвергся той же участи.

Елизавета, сопровождаемая преданными ей гренадерами, вошла во дворец и направилась через хорошо знакомые ей комнаты в спальню Анны Леопольдовны.

— Сестрица, пора вставать, — промолвила Елизавета, обращаясь к Анне Леопольдовна.

— Как, это ты, сударыня? — сказала ей правительница и, увидев за ней гренадер, сразу поняла все.

Она принялась умолять цесаревну не обращаться дурно с ее детьми и не разлучать ее с любимой фрейлиной Менгден. Елизавета успокоила ее.

В соседней комнате в это время мирно спал младенец-император. Цесаревна запретила сопровождавшим ее гвардейцам тревожить его, но поднявшийся кругом шум пробудил ребенка. Тогда кормилице приказано было снести его в караульню, где находились солдаты. Сама цесаревна, спустившись туда, взяла Иоанна на руки и сказала, взволнованная:

— Бедное дитя! Ты невинно, но твои родители несут тяжелую вину.

И она увезла свергнутого императора в своих санях в Летний дворец, куда были доставлены арестованные правительница Анна Леопольдовна, принц Антон, сестра Иоанна, маленькая принцесса Екатерина Антоновна, и жившие в Зимнем дворце их приближенные.

Народ, собравшийся на Невском проспекте, по которому возвращалась Елизавета, несмотря на морозную ночь, приветствовал цесаревну громкими «ура!». Слыша радостные возгласы, малютка Иоанн развеселился и стал улыбаться и махать ручонками.

Арест правительницы Анны Леопольдовны и ее мужа, принца Антона-Ульриха, цесаревной Елизаветой Петровной.

— Бедняжка, — сказала цесаревна, — ты не знаешь, что народ кричит и радуется, что ты лишился короны!

В ту же ночь в своих домах были арестованы Остерман, Миних, Левенвольде, Менгден, Головкин, Бестужев-Рюмин и другие близкие к Анне Леопольдовне и Иоанну Антоновичу сановники. Их привезли во дворец Елизаветы Петровны, а в 7 часов утра отправили в Шлиссельбургскую крепость.

Царствование императора-малютки окончилось. Его место заняла 32-летняя дочь Петра Великого.

С самого раннего утра 25 ноября 1741 года огромные толпы

народа и масса войска окружили дворец, в котором жила цесаревна Елизавета Петровна. Весть о совершившихся в ночь событиях, о том, что правительница Анна Леопольдовна, принц Антон-Ульрих и все их сторонники и приверженцы арестованы, разнеслась по столице с быстротой молнии. И, как год с небольшим назад, народ ликовал по поводу ареста Бирона, так теперь ликовал он по поводу новой перемены правительства…

Громкое «ура» и крики «да здравствует цесаревна Елизавета!», «да здравствует императрица Елизавета Петровна!» оглашали воздух. Все с нетерпением ждали, когда покажется народу виновница переворота, о смелом подвиге которой неслись сказочные слухи.

Было восемь часов утра, когда цесаревна, надев Андреевский орден, показалась в окне дворца. Она держала на руках малютку Иоанна Антоновича.

Новое, еще более громкое «ура» огласило воздух при виде Елизаветы Петровны.

Появление цесаревны с императором-младенцем дало повод многим предполагать, что цесаревна объявит себя только правительницей, т. е. займет место Анны Леопольдовны, и что Иоанн Антонович по-прежнему будет считаться императором.

Но вскоре за тем объявленный манифест гласил совсем другое.

«Все Наши как духовного, так и светского чинов верные подданные и особливо лейб-гвардии Наши полки всеподданнейше и единогласно Нас просили Отеческий Наш Престол Всемилостивейше восприять», — так значилось в манифесте о вступлении на престол Елизаветы Петровны, в тот же день напечатанном «в С.-Петербурге при Сенате» и разосланном по всей России. В манифесте упоминалось, что Блаженной памяти императрицей Анной Иоанновной при кончине ее учинен наследником Всероссийского престола внук ее величества, которому тогда еще от рождения несколько месяцев только было. «И ради такого его младенчества правление Государственное чрез разные персоны и разными образы происходило, отчего дуже как внешне, так внутри государства беспокойства и непорядки и, следовательно, немалое разорение всему Государству последовало…» И вот «для пресечения всех тех происшествий, беспокойств и непорядков» Елизавета Петровна «по законному праву по близости крови к Самодержавным вседрожайшим ее родителям отеческий престол восприять соизволила».

В следовавшем затем втором манифесте, от 28 ноября, указывалось, что, согласно духовной императрицы Екатерины I,

еще тогда, когда скончался Петр II, цесаревна Елизавета Петровна была законной наследницей Всероссийского престола, но что эта духовная была скрыта Остерманом, что по происках того же Остермана была избрана на престол Анна Иоанновна и что он же, Остерман, во время болезни императрицы Анны Иоанновны сочинил определение о назначении наследником малолетнего Иоанна — «никакой уже ко Всероссийскому престолу принадлежащей претензии, линии и права не имеющего» и т. д., и т. д.

В конце манифеста сказано было, что «хотя принцесса Анна и сын ее принц Иоанн ни малейшей претензии и прав к наследию Всероссийского престола не имеют, но из особливой к ним императорской милости, не желая никаких им причинить огорчений, с надлежащею им честью и с достойным удовольствием, предав все их разные предосудительные поступки крайнему забвению», новая императрица повелела «принцессу, ее мужа и детей в их отечество всемилостивейше отправить».

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ ДЕКАБРЯ 1 ДНЯ.

Двадцать пятаго числа прошедшаго мѣсяца, то есть въ вожделѣнной оной день, въ которой ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО наша самодержавнѣйшая Государыня, къ неописанной радости всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ отеческій Всероссійскій престолъ всемилостивѣйше принять соизволила, перешла Ея Величество въ началѣ 3 часа послѣ полудни, при непрестанномъ радостномъ восклицаніи въ бесчисленномъ множествѣ собравшагося народа, изъ прежняго своего дворца въ Императорской зимней домъ, гдѣ въ придворной церькви, по прочтеніи въ прошлыхъ вѣдомостяхъ сообщеннаго манифеста, при пушечной пальбѣ съ крѣпости и адмиралтейства отправлялся торжественной благодарной молебенъ, и потомъ отъ собравшихся духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ, также и отъ полковъ лейбгвардіи учинены были ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ всеподданнѣйшія и усерднѣйшія поздравленія. Того же дня изволила ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО Свѣтлѣйшей Княгинѣ Гессенгомбургской всемилостивѣйше пожаловать орденъ святыя Екатерины. О прочихъ до сего времени случившихся пожалованіяхъ, также и о вчерашнемъ Кавалерскомъ праздникѣ ордена святаго Апостола Андрея объявлено будетъ впредь.

Публикованной 28 числа прошедшаго мѣсяца обстоятельной манифестъ внесенъ въ обыкновенныя при вѣдомостяхъ примѣчанія.

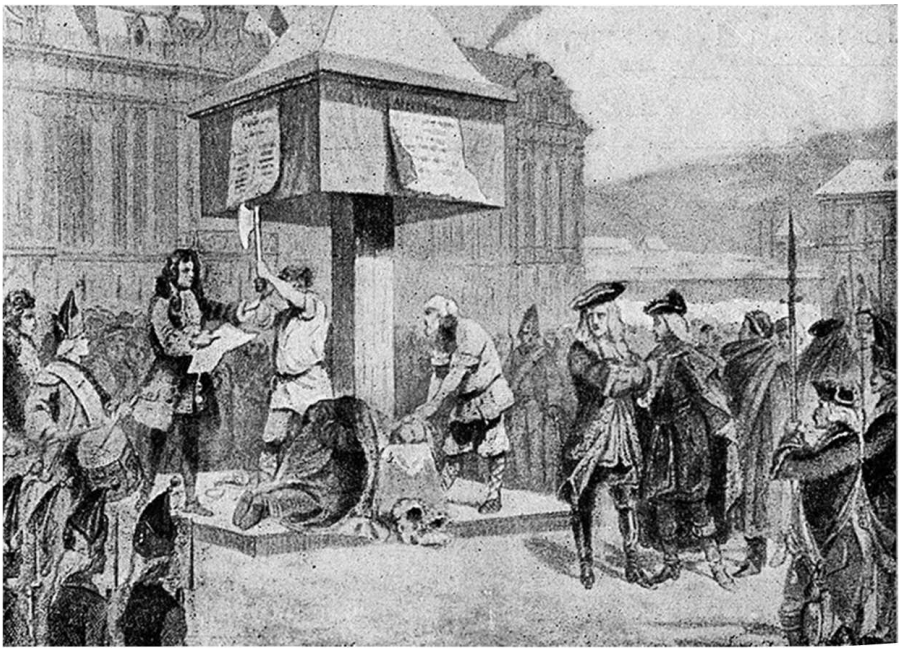
Извещение о вступлении на престол императрицы Елизаветы

Петровны, помещенное в «Санкт-Петербургских Ведомостях» 1 декабря 1741 г.

3

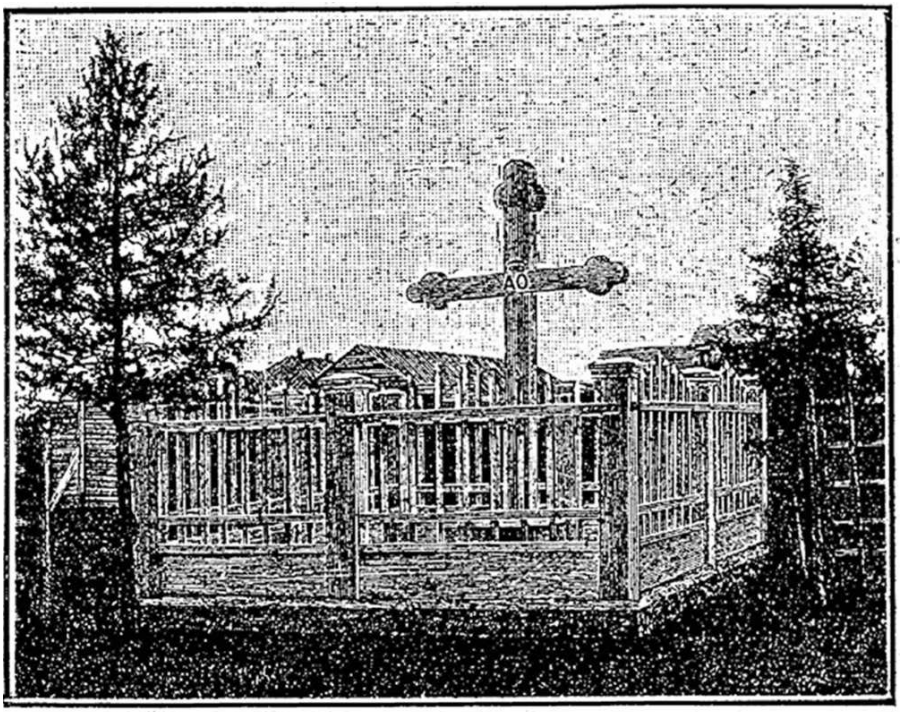
Милостивые слова манифеста новой императрицы, обещавшие, что семейству падшего императора не будет причинено «огорчений» и что их поступки будут преданы забвению, не распространялись на сторонников Брауншвейгской фамилии. Все арестованные в ночь на 25 ноября: Остерман, Миних, Головкин, обер-гофмаршал Левенвольде, президент Коммерц-коллегии Менгден, сын генерал-фельдмаршала обер-гофмейстер Миних, тайный советник Стрешнев, директор канцелярии принца Антона и другие — были преданы особому суду как государственные преступники, которые содействовали незаконному возведению Бирона в регенты и воцарению Иоанна Антоновича. Кроме того, почти всем им были поставлены в вину и другие преступления.

Следствие было поручено генералу Андрею Ивановичу Ушакову, который теперь стал одним из лиц, наиболее близких к новой императрице. Суд отнесся ко всем строго и приговорил бывшего генерал-адмирала Остермана колесовать, бывшего генерал-фельдмаршала Миниха — четвертовать, обер-канцлеру Головкину, президенту Коммерц-коллегии Менгдену, обер-гофмаршалу Левенвольде и действительному статскому советнику Тимирязеву — отсечь головы, а имения их отнять в казну; остальных — кого бить плетьми и сослать, кого разжаловать и т. п. Императрица, верная данному ей обещанию никого не лишать жизни, смягчила приговор, даровала всем жизнь, о чем приговоренные к смерти узнали только в день назначенной казни, 18 января 1742 года, на плахе, когда палачи уже собирались исполнить приговор. Согласно указу императрицы все они были сосланы в заточение: Остерман в Березов, Миних в Пелым, Головкин в Гершанг, в шестидесяти верстах от Пелыма, Менгден в Колымский острог, Левенвольде — в Соликамский.



Граф Остерман на эшафоте.

Остермана и его жену привез из Петербурга в Березов подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка Ермолин с десятью гвардейскими солдатами. С ними приехало шесть человек прислуги. Арестантов предписано было держать «под крепким и осторожным караулом» и, если кто из них «в подозрении явится, то оного запереть в острог, в особливое место, и с другими сообщения иметь ему не велеть и о делах его доносить в Сенат». Кроме прислуги, к Остерману приказано было отправить лютеранского пастора. Остерман не вынес сурового климата Березова и через пять лет, простудившись, скончался в Березове. Вдова соорудила на его могиле памятник.



Могила Остермана в Березове.

Бывший фельдмаршал Миних был привезен в Пелым под конвоем прапорщика лейб-гвардии Преображенского полка Юрасовского и шести солдат. Его сопровождали: жена, рожденная фон Мальцан, по первому мужу Салтыкова, лютеранский пастор Мартенс, старинный друг Миниха, добровольно пожелавший разделить ссылку, подлекарь Шульц, два повара и две горничные. Для помещения Миниха и сопровождавших его лиц был построен новый дом, как раз на том же месте, где раньше стоял сгоревший дом Бирона, освобожденного из ссылки императрицей Елизаветой, с назначением места пребывания в Ярославле.

Из видных сторонников Брауншвейгской фамилии уцелел один только Бестужев-Рюмин, который, главным образом благодаря заступничеству Лестока, не только не отдан был под суд, но даже назначен новой императрицей в вице-канцлеры, затем сенаторы, главные директоры над почтами и, наконец, в великие канцлеры.

На участников свержения с престола Иоанна Антоновича посыпались со стороны новой императрицы щедрые награды: гренадерам роты Преображенского полка, сопровождавшей цесаревну в ее «походе» к Зимнему дворцу, было даровано дворянское достоинство, сама рота получила название «лейб-кампании», цесаревна приняла сан капитана этой роты, обещала

всех состоявших в лейб-кампании наделить имениями и пр.

Близкие к цесаревне лица получили чины, ордена, а родственникам цесаревны по матери было пожаловано графское достоинство.

Цесаревна Елизавета направляется во главе роты Преображенских гренадер к Зимнему дворцу в ночь на 25 ноября 1741 г.

Опасный соперник

1

Четыре наглухо закрытые кареты, окруженные большим конвоем преображенцев, двинулись на рассвете 12 декабря 1741 года из Петербурга по направлению к городу Нарве.

В каретах сидели бывшая правительница Анна Леопольдовна с мужем, низложенный император Иоанн Антонович, его маленькая сестра принцесса Екатерина, фрейлина Менгден и прислуга.

Во главе конвоя, окружавшего кареты, находился генерал-лейтенант граф Василий Федорович Салтыков, которому, согласно манифесту императрицы, поручено было отвезти всю Брауншвейгскую фамилию через Нарву и Ригу за границу Российского государства, в г. Кенигсберг, и там предоставить им свободу.

Салтыкову дано было предписание все время иметь строгий надзор над бывшей правительницей, маленьким императором и всеми сопровождавшими их лицами и не позволять ни с кем сноситься. Кроме того, особым секретным приказом Салтыкову велено было ехать медленно и под разными предлогами останавливаться в пути.

Не успел Салтыков доехать с пленниками до Риги, как данное ему первоначально распоряжение было отменено и последовал приказ: Иоанна Антоновича, его родителей и всех бывших с ними не везти за границу, а задержать в Риге и поместить там в цитадели, не допускать к ним никого, не позволять получать от кого-либо письма и писать кому бы то ни было.

Поводом к отмене первоначального намерения новой императрицы отпустить Анну Леопольдовну с семейством за

границу явилось подозрение, что у бывшей правительницы остались в Петербурге сторонники, которые захотят вызвать ее в Россию и при содействии иностранных государств посадить вновь на престол Иоанна Антоновича или даже саму Анну Леопольдовну.

Не довольствуясь приказами, данными Салтыкову, Елизавета Петровна велела окружить в Риге Иоанна Антоновича и его семейство шпионами. Последние вскоре поспешили донести императрице, что принцесса Анна часто бранит приставленного к ней Салтыкова, а принц Иоанн, т. е. свергнутый император, «играючи с собачкою, бьет ее по лбу, а как его спросят: «Кому-де, батюшка, голову отсечешь?» — он отвечает, что Василию Федоровичу (Салтыкову)». Спрошенный об этом Салтыков ответил, что все это неправда и что принц Иоанн вообще почти ничего не говорит, а бывшая правительница обращается с ним вежливо и никогда не бранит.

Больше года пробыли Иоанн Антонович и его родители в Риге, не зная ничего о дальнейшей своей судьбе.

В конце 1742 года императрица решила перевезти все Брауншвейгское семейство в другое место. Решение это последовало в связи с предостережением со стороны короля прусского Фридриха II, который писал, что пребывание свергнутого с престола императора и его матери в Риге опасно, потому что они могут оттуда легко бежать за границу и при содействии Швеции добиться провозглашения Иоанна вновь императором. Поэтому в декабре 1742 года все Брауншвейгское семейство перевезли в крепость Дюнамюнде (Двинск), куда проникнуть было труднее. Но и это оказалось недостаточным, и спустя год решено было увезти Иоанна Антоновича и всех его родных вглубь России, избрав для них местом пребывания небольшой городок Раненбург (в нынешней Рязанской губернии).

Городок этот составлял при Петре Великом владение князя Меншикова, построившего в нем в 1702 году небольшую крепость. Впоследствии сам Меншиков жил там в ссылке в 1727 году и оттуда, по приговору Верховного тайного совета, был отправлен в Сибирь.

Поручение отвезти свергнутого императора и его родителей в Раненбург было дано капитану гвардии Вымдонскому. Тот, не подозревая о существовании Раненбурга, едва не отвез пленников в Оренбург.

Пребывание Иоанна III в Раненбурге продолжалось недолго. Слухи, будто какой-то монах решил освободить императора-узника и даже успел будто бы увезти его в Смоленск, заставили правительство Елизаветы Петровны назначить для пребывания

Брауншвейгской фамилии другое, более отдаленное место.

27 июля 1744 года один из приближенных к императрице Елизавете, женатый на ее родственнице, барон Н. А. Корф, получил приказ поехать в Раненбург, взять ночью принца Иоанна и отправить его с майором Пензенского полка Миллером, под прикрытием тридцати надежнейших солдат, в Архангельск, а оттуда — в Соловецкий монастырь, где уже было приготовлено помещение как для бывшего императора, так и для его родителей. Все это приказано было обставить большой тайной, так, чтобы никто не мог видеть ни отъезда маленького императора из Раненбурга, ни приезда в Соловецкий монастырь.

Барон Николай Александрович Корф.

Согласно инструкции, Миллер обязан был сесть в коляску с четырехлетним малюткой Иоанном, но называть его не иначе как Григорием, и в сопровождении шести солдат безостановочно везти его в Соловецк, никому, даже извозчикам, ребенка не показывать, а служителю, находящемуся с ним в коляске, строжайше запретить говорить с кем бы то ни было. Туда же, в Соловецкий монастырь, но отдельно, должны были привезти родителей развенчанного императора.

Вследствие очень скверных дорог указ не мог быть точно исполнен, и вместо Соловецкого монастыря все Брауншвейгское семейство было водворено в г. Холмогоры, где оставлено под строгим наблюдением сначала барона Корфа, а затем капитана

Измайловского полка Гурьева. Кроме того, при узниках были оставлены капитан Вымдонский и майор Миллер.

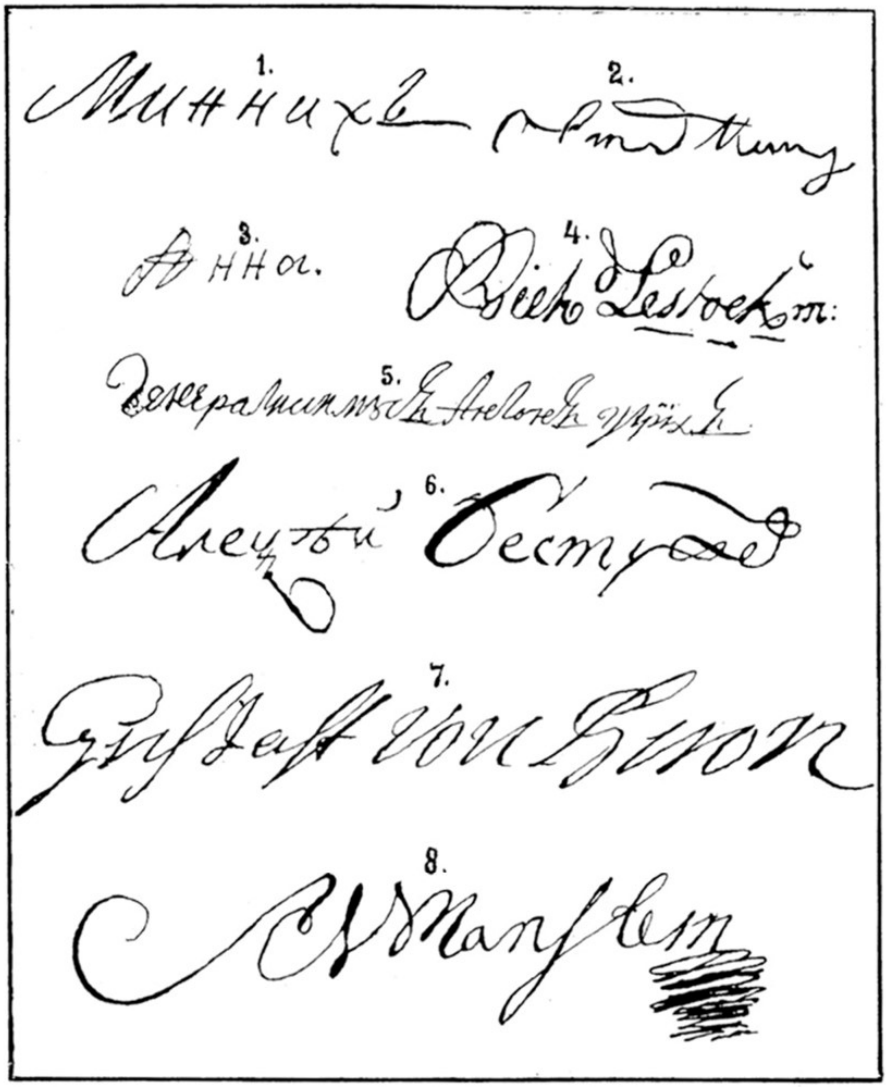
В Холмогорах не было ни крепости, ни тюрьмы, где можно было бы поместить узников. Их разместили в разных концах обширного архиерейского дома, но так, что малютка Иоанн не мог видеть ни отца, ни матери, ни сестер своих. Анна Леопольдовна, разъединенная с сыном в Раненбурге, не знала даже, что Иоанн томится в заточении недалеко от нее, а тот, в свою очередь, находился в полном неведении, что в нескольких шагах от него живут и мать, и отец, и Бина Менгден, сестра фрейлины бывшей правительницы, заменившая оставленную в Раненбурге Юлиану.

Спасо-Преображенский собор и Успенский монастырь в Холмогорах — место заточения Брауншвейгской фамилии.

Молодой арестант — под именем Григория — проводил время в Холмогорах в полном уединении, без всякого общения с кем бы то ни было, кроме назначенного для надзора за ним капитана Миллера. К нему не только не допускали никого из чужих людей, но и не разрешали сношений с его родственниками. Запрещено было также учить его грамоте.

Дав обещание при вступлении своем на престол никого не

казнить, императрица Елизавета не хотела лишать жизни и свергнутого ею юного императора. Но в Петербурге были убеждены, что хилый, слабый, болезненный, как и другие дети Анны Леопольдовны, Иоанн Антонович не вынесет заточения. Предвидя возможность смерти Иоанна в ссылке, правительство, за подписью самой Елизаветы, приказало: «Если по воле Божией случится смерть принцу Иоанну, то, учиня над умершим телом анатомию и положа в спирт, тотчас то смертное тело прислать в Петербург с нарочным офицером».



Автографы видных исторических деятелей времен Иоанна III Антоновича:

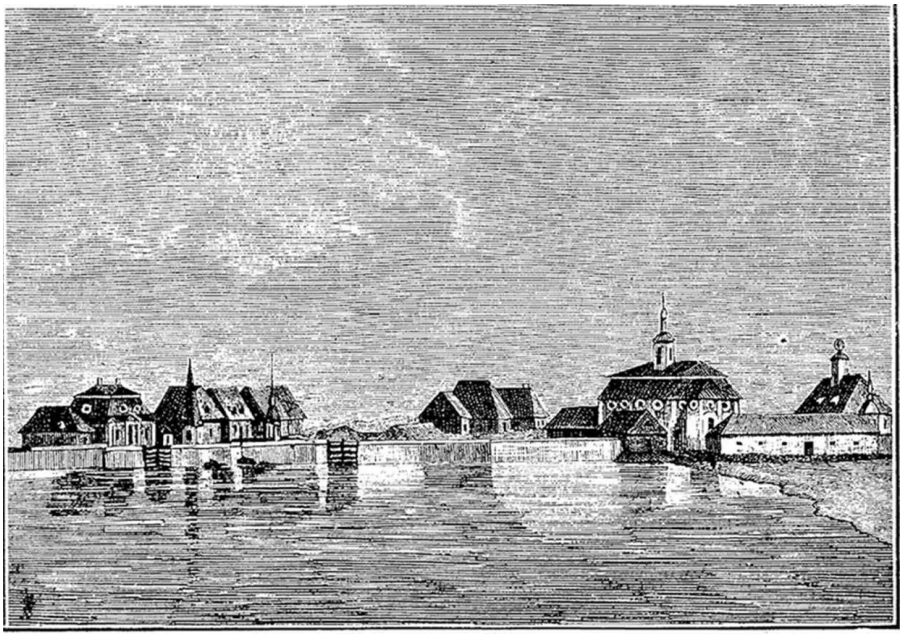
1. Фельдмаршал граф Миних;

2. Генерал-адмирал Остерман;
3. Правительница Анна Леопольдовна;
4. Лейб-медик цесаревны Елизаветы Лесток;
5. Генералиссимус принц Антон-Ульрих;
6. Алексей Бестужев;
7. Генерал Густав Бирон;
8. Полковник Манштейн

Но развенчанный император-малютка, лишенный трона, свободы, даже имени, пережил все невзгоды одинокой жизни в Холмогорах. Скончалась же в Холмогорах мать его, принцесса Анна Леопольдовна, оставив, кроме Иоанна, еще четверых детей: двух дочерей и двоих сыновей, из которых трое родились уже после свержения с престола императора-малютки. Тело принцессы, согласно распоряжению Елизаветы, было перевезено в Петербург и погребено в Александро-Невской лавре.

Иоанну Антоновичу шел тогда шестой год. Он не узнал о смерти матери, как не знал вообще о судьбе, постигшей его родителей, сестер, братьев. Согласно инструкции, они не могли видеть друг друга, не должны были даже знать, что находятся в одной и той же местности.

В Холмогорах Иоанн Антонович пробыл после смерти Анны Леопольдовны еще шесть лет, т. е. всего двенадцать, причем все это время правительство продолжало тщательно скрывать, где именно находится бывший император. Когда же, несмотря на все предосторожности, в столицу все-таки проникли слухи о его пребывании в Холмогорах, императрица Елизавета велела перевезти его «под крепким караулом» в крепость Шлиссельбург, с тем чтобы сам он не знал, куда его везут и где будет находиться. Но к переправке Иоанна в Шлиссельбург был и другой повод: до Петербурга дошли слухи, что находившийся в Пруссии Манштейн (тот самый, который в свое время арестовал Бирона и способствовал Анне Леопольдовне стать правительницей, а затем перешел на прусскую службу) вместе с неким тобольским посадским Зубаревым задумали выкрасть Иоанна, произвести бунт и возвести холмогорского узника на престол. С этой целью предполагали отправить в Архангельск корабль с товаром, под видом купеческого, и на нем вывезти Иоанна, — все это правительство узнало от пойманного Зубарева. И вот сержанту лейб-кампании Савину дано было приказание вывезти ночью узника из Холмогор в Шлиссельбург, куда, как полагали, не будет в состоянии проникнуть никто из сторонников бывшего императора.



Вид Шлиссельбургской крепости в конце XVIII столетия.

2

Хотя в манифесте о восшествии на престол Елизаветы Петровны значилось, что ее «просили восприять престол все верноподданные», тем не менее, уже на первых порах царствования у новой императрицы явилось подозрение, что есть лица, не одобряющие переворота 25 ноября 1741 года и желающие вернуть низложенного императора-малютку.

И действительно, в июле 1742 года открыт был заговор против новой государыни: камер-лакей Турчанинов, прапорщик Преображенского полка Ивашкин и сержант Измайловского полка Сновидов задумали захватить и умертвить Елизавету Петровну и возвести снова на престол Иоанна Антоновича, причем распускали слухи, что Елизавета — не наследница, а сделали ее будто бы наследницей гвардейцы за чашку водки и что она незаконно завладела властью.

Тайная канцелярия, которой поручено было рассмотрение этого дела, осудила виновных к наказанию кнутом и вырезанию ноздрей, а главному зачинщику, Турчанинову, сверх того велела урезать язык и сослать всех в Камчатку.

Не успели еще забыть об этом заговоре, как до сведения правительства Елизаветы дошли слухи, что рижский караул, который стережет бывшего императора Иоанна и его мать, «очень

к императору склонен», что некто Лопухин уверяет, будто «перемене легко сделаться» и что это будет через несколько месяцев, так как свергнутому императору пособит прусский король, а австрийский посол, маркиз Ботта, — императору Иоанну первый слуга и доброжелатель. Было наряжено следствие, к которому привлекли многих высокопоставленных лиц, включая Наталью Федоровну Лопухину, графиню Анну Гавриловну Бестужеву, Степана Лопухина, Ивана Лопухина и др. Прямых улик относительно заговора открыто не было, и все обвинения основывались на словах подсудимых; тем не менее всех их пытали, судили в учрежденном в Сенате генеральном собрании с участием трех духовных сановников и постановили: Лопухиных — Наталью, Степана и сына их Ивана — колесовать, предварительно вырезав им языки; лиц, слышавших и не доносивших, казнить отсечением головы, менее виновных сослать.

Наталья Федоровна Лопухина.

Приговор этот был смягчен Елизаветой: она сохранила жизнь осужденным Лопухину и Бестужеву, но велела применить к ним те строгие меры, какие полагались в то время за государственные

преступления: повелела высечь их кнутом и, урезав языки, сослать; остальных же высечь и сослать. Относительно же маркиза Ботта, поскольку его как представителя иностранной державы нельзя было наказать, да и не было его уже в России, решили лишь донести о его поведении австрийскому правительству — в надежде, что оно не оставит происков посланника без наказания.

Были открыты еще и другие заговоры: четырнадцать лейб-кампанцев замышляли умертвить Лестока и других близких к новой императрице сановников, устранить от престола императрицу и снова призвать низверженную Брауншвейгскую фамилию. Заговорщики были наказаны и сосланы, но весь двор и после этого долго не мог успокоиться, опасаясь, нет ли у них сторонников.

Спустя несколько лет, в 1749 году, в Москве, во время болезни Елизаветы Петровны, между некоторыми вельможами и сановниками возникла мысль, в случае скоропостижной смерти императрицы, провозгласить императором Иоанна Антоновича. Императрица поправилась, выздоровела, и заговор не был осуществлен. Заговорщики действовали так осторожно, что никто из них не был привлечен к следствию.

В 1756 году поймали упомянутого уже посадского тобольского человека Ивана Зубарева, который на допросе в Тайной канцелярии рассказал о предполагавшемся им освобождении Иоанна Антоновича и его отца, принца Антона, и о содействии этой затее со стороны прусского короля Фридриха II.

Вообще почти во все свое царствование Елизавета Петровна находилась под страхом, что у низложенного императора есть сторонники, которые только ждут случая вернуть ему престол.

Чтобы заставить забыть всех о том, что после кончины Анны Иоанновны царствовал Иоанн Антонович, императрица Елизавета целым рядом указов велела уничтожать все явные следы минувшего непродолжительного царствования: запрещала упоминать в грамотах имя и титул бывшего императора; все приказы, изданные за время царствования Иоанна Антоновича, велела признать недействительными, а дела от смерти императрицы Анны Иоанновны до 25 ноября 1741 года считать «производившимися в правление бывшего герцога Курляндского и принцессы Анны Брауншвейгской», не называя нигде имени Иоанна; приказала изъять из обращения монеты с его портретом или вензелем, уничтожить книги, в которых его имя упоминалось, и т. д. Этим путем из памяти народной предполагалось вырвать всякие воспоминания о том, что существовал когда-либо Иоанн Антонович.

Однако подобные меры не достигали цели. О существовании Иоанна знали и говорили.

Свергнутый Елизаветой Петровной с престола император, как выражается один из историков, «постоянно стоял перед ней привидением». Это привидение не давало ей покоя и заставляло заботливо скрывать несчастного Иоанна Антоновича от всего мира и держать в заточении, под строжайшим надзором, без всякого общения с людьми — за исключением приставленных к нему сторожей, на преданность которых себе Елизавета твердо рассчитывала.

3

Шестнадцать лет было Иоанну Антоновичу, когда его из Холмогор привезли в Шлиссельбургскую крепость. Надзор за развенчанным узником был в Шлиссельбурге поручен капитану гвардии Шубину, прапорщику Ингерманландского полка Власьеву и сержанту Чекину, и, кроме них, никому не было дозволено входить в ту казарму, где помещен был арестант, и никто не должен был его видеть.

Инструкции, как обращаться с узником, были даны от имени императрицы Елизаветы Алексеем Ивановичем Шуваловым. «Когда же для убирания в казарме всякой нечистоты кто впущен будет, то, — значилось в инструкции, данной капитану Шубину, — тогда арестанту быть за ширмами, чтоб его видеть не могли…» Далее в инструкции было сказано, чтобы в крепость «хотя б генерал или фельдмаршал приехал — не впускать», «в каком месте арестант содержится и далеко ли от Петербурга или от Москвы — ему не сказывать. Каков арестант, немец, или русский, или иностранец, под смертною казнью подтвердить, чтобы не рассказывали».

Арестанту пища определена была обильная: в обед по пяти и в ужин по пяти блюд, на каждый день вина по одной, пива по шести бутылок, квасу потребное число.

Капитан Шубин, не долго пробыв при арестанте, заболел. На его место был отправлен капитан Овцын.

Последний в 1759 году доносил о вверенном ему арестанте: «Арестант здоров и, хотя в нем болезни никакой не видно, только в уме несколько помешался, утверждает, что его портят шептаньем, дутьем, пусканием изо рта огня и дыма; кто, в постели лежа, повернется или ногу переложит, за то сердится, сказывает, шепчут и тем его портят; приходил раз к подпоручику, чтобы его бить, и мне говорил, чтобы его унять, и ежели не уйму,

то он станет бить; когда я стану разубеждать, то и меня еретиком называет…» Но при этом в другом своем донесении Овцын заявляет, что арестант «о прочем обо всем говорит порядочно, доказывает евангелием, апостолом, минеею и прочими книгами, сказывает, в котором месте и в житии которого святого писано» и т. д.

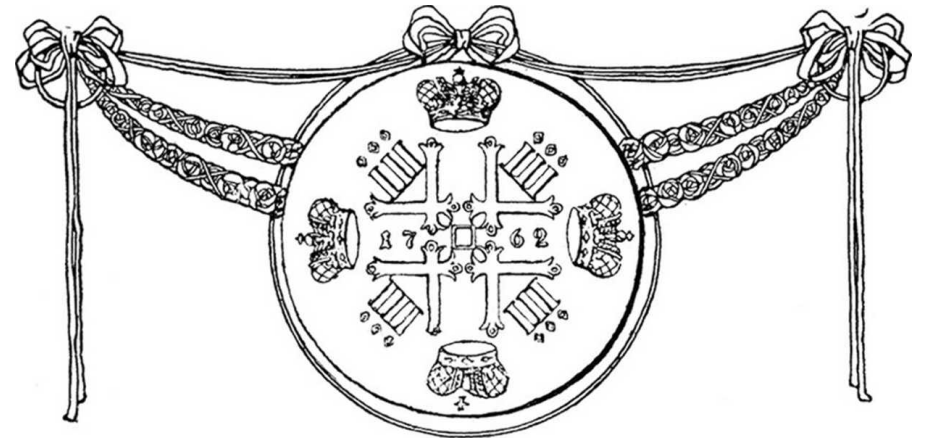
По приказанию из Петербурга Овцын спросил арестанта, кто он? Сначала тот ответил, что он великий и один подлый офицер то у него отнял и имя переменил, а потом назвал себя принцем. «Я ему сказал, — писал Овцын, — чтобы он о себе той пустоты не думал и впредь того не врал, на что, весьма осердясь, на меня кричал. Другой раз он начал кричать, что он «здешней империи принц и государь». Овцыну было приказано сказать арестанту, что если он пустоты своей врать не перестанет, то все платье от него отберут и пища ему такая не будет. Затем последовал приказ: не давать арестанту чаю, не давать чулок крепких, и он присмирел совершенно.

Десятый год уже приближался царствованию Елизаветы. Казалось, императрица достаточно прочно сидит на престоле, пользуется любовью войска и народа; однако участь шлиссельбургского узника ни в чем не изменилась. По-прежнему его продолжали держать там «под крепким караулом», не допуская к нему никого из посторонних.

Одно время, как утверждают, у Елизаветы, недовольной поведением назначенного ею в наследники и привезенного нарочно в Петербург голштинского принца Карла-Ульриха, принявшего в России имя Петра, возникла мысль, не назначить ли наследником Иоанна Антоновича. С этой целью Елизавета пожелала видеть свергнутого императора. Иоанна секретно привезли из Шлиссельбурга в Петербург, и императрица видела его и разговаривала с ним дважды: в первый раз в доме канцлера графа Воронцова, во второй — в доме графа Шувалова. Подробности этих свиданий императрицы с низложенным императором неизвестны. По некоторым рассказам, императрица ездила на эти свидания одетая в мужской костюм и изображала доктора. Во всяком случае, узник не знал, кто с ним говорит, равно как не знал, что находится в столице. Разговор убедил императрицу, что Иоанн не способен царствовать, и его опять отвезли в Шлиссельбург, оставив все по-прежнему.

Граф Михаил Иларионович Воронцов.

Два императора



1

Двадцать два года процарствовала императрица Елизавета Петровна — и двадцать два года томился в заточении, лишенный почти совершенно общения с людьми бывший император Иоанн Антонович. Его все еще считали опасным соперником и не решались дать ему свободу, боясь, что найдутся сторонники, которые захотят вернуть ему престол.

25 декабря 1761 года императрицы не стало: на престол вступил под именем Петра III Феодоровича ее племянник, голштинский принц Карл-Ульрих, правнук Петра Великого.

В своем манифесте новый император напоминал, что еще в 1742 году все верноподданно присягали ему «яко истинному Российского престола наследнику» и что он, Петр, «взошел по праведным судьбам на Императорский престол посредством любезнейшей тетки Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, которая, видя оный по смерти Императрицы Анны Иоанновны похищенным, за нужное и должное признала помощью верных сынов Российских возвратить праведным образом Всероссийской Императорской престол».

Имя Иоанна Антоновича в этом манифесте не упоминалось, хотя нетрудно было догадаться, что под «похищением престола» подразумевалось царствование императора-малютки.

В числе первых приказов нового государя был один, касавшийся шлиссельбургского узника, несчастного Иоанна Антоновича.

Всего несколько дней по восшествии своем на престол, 1 января 1762 года, Петр III нашел необходимым отозвать приставленного к заключенному в Шлиссельбургской крепости свергнутому императору капитана Овцына и назначить на его место капитана гвардии князя Чурмантеева «для караула некоторого важного арестанта в Шлиссельбургской крепости», как значилось в указе, причем, как и при Елизавете Петровне, имя этого арестанта не указывалось. В указе, данном Чурмантееву, было, между прочим, сказано: «Буде сверх нашего чаяния, кто б отважился арестанта у вас отнять, — в таком случае противиться сколько можно и арестанта живого в руки не отдавать».

«Сверх нашего чаяния» — иначе говоря, вопреки ожиданию. На самом, однако, деле очевидно у Петра III и его приближенных явилось опасение, что люди, недовольные новым императором — а таких было много — могут воспользоваться случаем, чтобы освободить шлиссельбургского узника и провозгласить его вновь императором.

Независимо от указа самого Петра, Чурмантееву была вручена еще особая инструкция, за подписью Александра Шувалова, в которой говорилось, что в случае если бы арестант стал чинить непорядки, или не хотел бы подчиняться, или говорил что-нибудь «непристойное», то «сажать тогда на цепь, доколе он усмирится, а буде и того не послушает, то бить палкою и плетью».

Затем, спустя десять дней, Чурмантеев получает новый указ, за подписью Петра III, в котором ему вменялось в обязанность никуда арестанта не перевозить, никому не отдавать и даже не верить тем, кто бы приехал с именным указом императора, за подписанием собственной его руки, и стал требовать арестанта.

2

Приказы эти были отчасти вызваны тревожными слухами о существовавшем будто бы намерении врагов Петра произвести бунт, восстание и освободить узника. Об этом, между прочим, в июне доносил Петру дружественно расположенный к нему прусский король Фридрих II, предостерегая, что «какой-нибудь негодяй с беспокойной головой может начать интриговать для возведения на престол Иоанна, составить заговор с помощью иностранных денег, чтобы вывести Иоанна из темницы, подговорить войско и других негодяев, которые и присоединятся к нему». Петр ответил Фридриху, что держит Иоанна под крепкой стражей и потому нечего опасаться.

Фридрих II, король прусский.

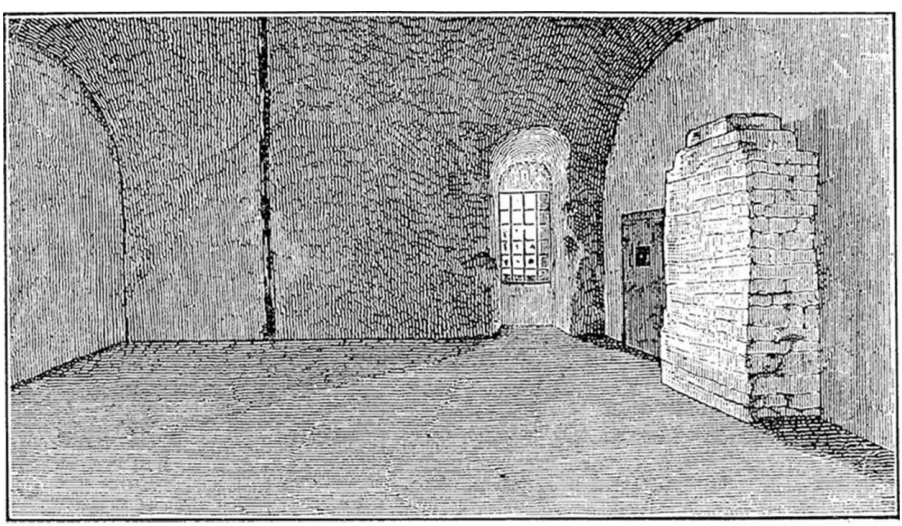
Король прусский высказывал свои опасения и давал советы неспроста. Он знал, что в лице Петра III имеет верного союзника и преданного ему человека, который, находясь у власти, будет отстаивать интересы Пруссии. И действительно, вступив на престол, Петр первым делом велел прекратить военные действия против Пруссии, начатые при императрице Елизавете, заключил с прусским королем союз, гордился своей дружбой с Фридрихом. Возможное устранение Петра и провозглашение Иоанна Антоновича законным императором пугало Фридриха. Он

предвидел, что с воцарением Иоанна со стороны русского правительства, во главе которого станут другие люди, может произойти резкое изменение в отношениях с Пруссией. Вот почему он предостерегал Петра и настаивал, чтобы за шлиссельбургским узником было более строгое наблюдение.

Вообще в судьбе Иоанна Антоновича прусский король сыграл видную роль. По его, главным образом, происка несчастный Иоанн в свое время был перевезен из Риги в Динабург, а затем в Раненбург, а когда во время пребывания Иоанна в Холмогорах открыт был заговор Зубарева, — причем последний намекал, что об этом заговоре знал и косвенно ему сочувствовал Фридрих II, недовольный отношением к Пруссии Елизаветы Петровны, — последняя поспешила перевезти развенчанного императора в Шлиссельбург. Таким образом, Фридрих II бесспорно в значительной мере являлся виновником той печальной участи, которая постигла Иоанна.

Петр III не удовольствовался одним лишь успокоительным ответом Фридриху на его опасения и спустя некоторое время решил лично убедиться, в каком состоянии находится его мнимый соперник, о котором говорили, что он лишен умственных способностей.

Еще раньше, будучи наследником престола, Петр хотел проникнуть в Шлиссельбург и убедиться, действительно ли там находится развенчанный император. Но тогда Елизаветой Петровной дан был шлиссельбургским надсмотрщикам строгий приказ никого не пускать к узнику, и Петру пришлось отказаться от исполнения своего намерения.



Внутренний вид каземата в Шлиссельбурге, где содержался император Иоанн Антонович.

3

В простых извозчичьих экипажах утром 18 марта 1762 года император Петр III отправился из Петербурга в Шлиссельбург — посмотреть своего соперника.

Поездка была обставлена строгой тайной. О ней до последнего момента никто не знал, даже близкие ко двору лица.

Государя сопровождали любимый его адъютант, генерал-адъютант барон Карл Карлович Унгерн-Штернберг, петербургский генерал-полицеймейстер, назначенный директором над всеми полициями в России, Николай Андреевич Корф, обер-шталмейстер Лев Александрович Нарышкин и тайный государев секретарь Дмитрий Васильевич Волков.

Поездке предшествовал секретный указ, данный капитану Преображенского полка князю Чурмантееву: «К колоднику имеете тотчас допустить нашего генерал-адъютанта барона Унгерна и с ним капитана Овцына, а потом и всех тех, которых помянутый Унгерн пропустить прикажет». В числе этих «всех» и был сам Петр III.

Приехав в Шлиссельбург, он тотчас велел вести себя в каземат Иоанна.

Петр застал узника, по сохранившемуся рассказу одного из участников посещения, в камере аршин в десять длиной и пять шириной, почти темной вследствие сложенных снаружи близ окон дров. Белокурые волосы низложенного императора были острижены в кружок; он был хорошо сложен, цвет лица его был матово-бледный, руки поражали своей белизной. Он нимало не испугался при виде императора и его офицеров, а на все вопросы о желаниях давал один ответ: «Больше света», вероятно, досадуя на склад дров пред окнами. На вопрос, знает ли он, кто он, ответил, что знает, и назвал себя Иоанном Антоновичем, хотя содержался под именем Григория.

Когда Петр III спросил его, почему он воображает себя бывшим императором и кто внушил ему эту мысль, узник ответил, что знает об этом от своих родителей и от солдат.

В разговоре Петр упомянул про Н. А. Корфа, которому поручено было перевезти Брауншвейгское семейство из Раненбурга в Соловецк. Иоанн вспомнил Корфа и сказал, что тот обходился с ним хорошо. При этом воспоминании старик Корф, присутствовавший тут же, прослезился.

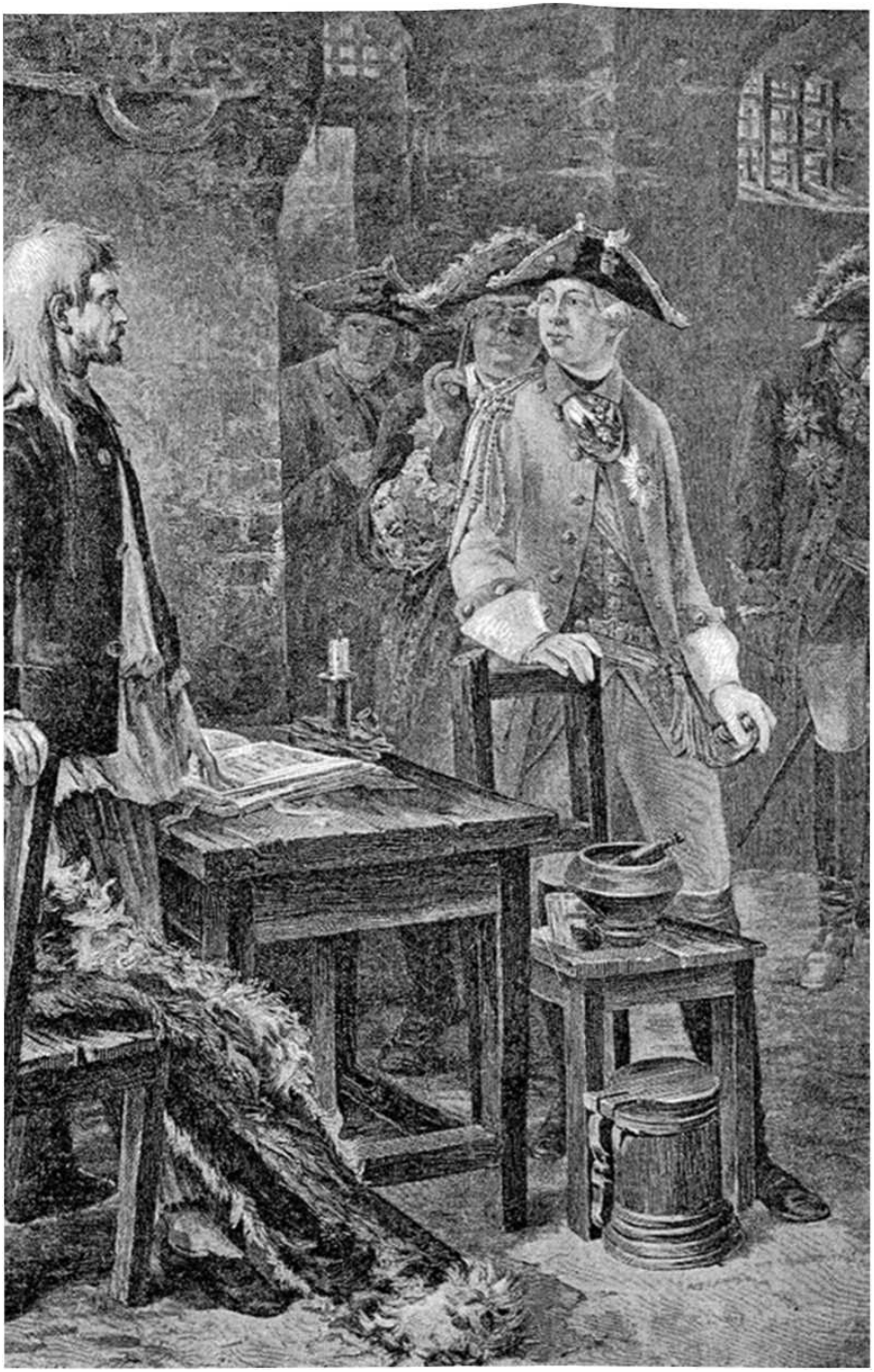
Когда узнику были переданы подарки: часы, табакерка и шелковый шлафрок, он положил их под подушку. Постель его была простая, но он содержал ее опрятно. На вопрос, что он знает о своих родителях, ответил, что помнит их и т. д.

По другим же сведениям, речь его была бессвязна и дика. Он говорил, что он не тот, за кого его принимают, что государь Иоанн давно взят на небо и т. д. По тем и другим сообщениям, умственные способности узника были расстроены и он совершенно не способен был мыслить.

Один только капитан Овцын, долгое время бывший при узнике, сомневался, «воистину ль он в уме помешался и не притворничествует», потому что «обо всем говорит порядочно», приводя места из Евангелия, Апостолов и прочих книг, что свидетельствовало, что он умел читать и читал священные книги, хотя в инструкции, данной при императрице Елизавете капитану Миллеру, запрещено было учить его грамоте. Несомненно одно: Иоанн был косноязычен, а жизнь, проведенная в одиночестве, вдали от света и людей, не могла не оставить следов на его умственном развитии.

Свидание с бывшим императором произвело на Петра III сильное впечатление. Он, по некоторым известиям, после этого посещения намеревался освободить узника, отправить его в Германию, по другим же отнюдь не признавая Иоанна лишенным рассудка, даже хотел назначить его наследником престола, причем думал женить его на находившейся тогда в Петербурге принцессе Голштейн-Бекской.

Однако ни то ни другое намерение не было осуществлено.



Император Петр III посещает в Шлиссельбургской крепости Иоанна Антоновича.

Вскоре после посещения Шлиссельбурга Петром III к узнику были приставлены новые офицеры: премьер-майор Жихарев и капитаны Уваров и Батюшков, а заведование делами арестанта было поручено трем высшим сановникам: Нарышкину, Мельгунову и Волкову. Но положение Иоанна не изменилось: он по-прежнему остался в заточении и к нему никого не допускали.

Д. В. Волков, тайный секретарь Петра III, сопровождавший его при посещении Шлиссельбурга.

В более счастливом положении оказались лица, сосланные при императрице Елизавете Петровне в Сибирь за приверженность к Иоанну Антоновичу: Миних, Бирон, Лопухины

и другие. Им приказано было вернуть свободу и отдать конфискованное имущество, а Миниху, сверх того, было возвращено генерал-фельдмаршальское достоинство. Престарелый фельдмаршал был принят новым императором с большими почестями, назначен членом Императорского совета, ему был подарен роскошный дом в Петербурге и т. д.

Фельдмаршал граф Миних под старость.

Положение, которое занял Миних при дворе Петра III, и его близость к новому императору давали возможность фельдмаршалу заступиться за шлиссельбургского узника, выхлопотать освобождение из заточения несчастному, в защиту которого он так смело выступил в свое время при Бироне. Однако

никаких следов того, чтобы Миних вспомнил о Иоанне Антоновиче, не сохранилось.

Впрочем, заступничество Миниха едва ли достигло бы цели в виду тех «предостережений», которые присылал в Петербург Фридрих II. Петр преклонялся перед прусским королем, слепо верил в его дружбу и высокий ум, а в числе ближайших советников императора, с которыми он устраивал «ночные конференции», видную роль играл прусский министр Гольц, который от лица своего государя старался убедить Петра, что освобождение Иоанна неминуемо вызвало бы падение русского монарха. При таких условиях едва ли можно было ожидать изменения судьбы шлиссельбургского узника.

Против освобождения были и лица, приближенные к Петру из числа русских сановников, и в числе их граф Михаил Илларионович Воронцов, принадлежавший раньше к свите Елизаветы Петровны и игравший видную роль в свержении Иоанна с престола.

В начале июня 1762 года появились слухи, будто император Петр III намерен дать свободу шлиссельбургскому узнику и отправить его к родственникам за границу. Слух этот находился в связи с другим: император думает на место Иоанна заточить в Шлиссельбург свою жену, императрицу Екатерину. Между Петром и принцессой из Ангальт-Цербстского дома Софией-Фридерикой, принявшей православие под именем Екатерины Алексеевны, действительно давно уже шли нелады. Говорили, что Петр решил развестись с женой, жениться на Елизавете Романовне Воронцовой и что в связи с этим имеет намерение очистить в Шлиссельбурге помещение для императрицы.

Однако осуществить это намерение императору Петру III не суждено было.

Неожиданная развязка

1

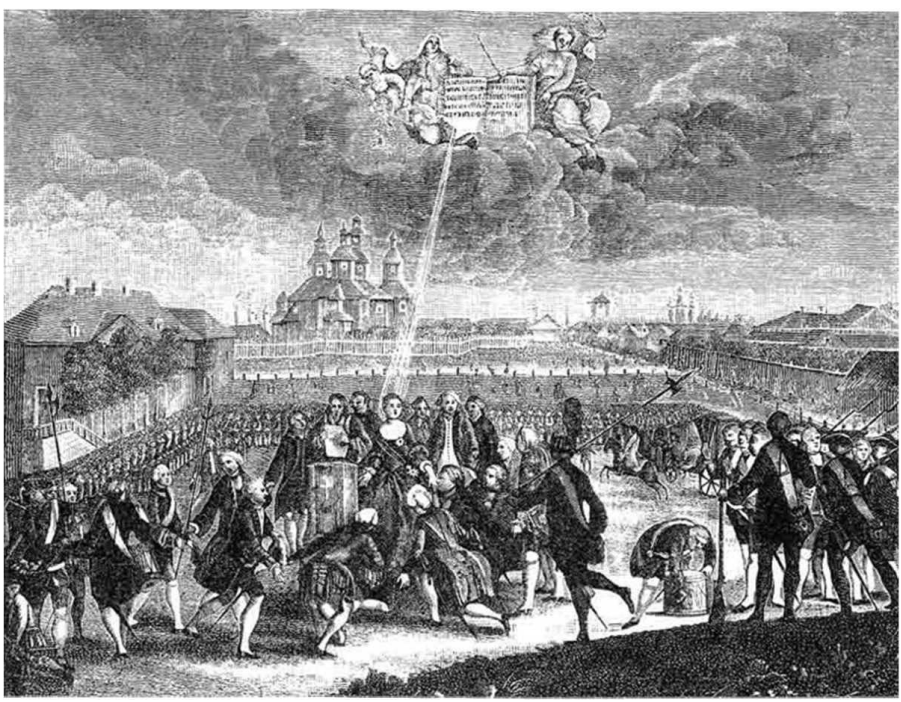
На рассвете 28 июня 1762 года случилось событие, имевшее огромное значение для России, а вместе с тем важное и по отношению к судьбе томившегося в Шлиссельбурге Иоанна Антоновича: супруга императора Петра III Феодоровича, Екатерина Алексеевна, объявила Петра III лишенным престола и провозгласила себя императрицей Всероссийской.

В манифесте, изданном по этому поводу, говорилось, что императрица, «приняв Бога и Его правосудие на помощь, а особливо видев к тому желание всех верноподданных ясное и нелицеприятное», решила ради спасения России принять бразды правления.

Лишенный престола император по приказанию новой монархини был арестован и удален в Ропшу — один из дворцов близ столицы, где к нему был приставлен караул под начальством Алексея Орлова. Из Ропши свергнутого императора предполагалось перевезти в Шлиссельбург.

Всего шесть месяцев и четыре дня процарствовал Петр III, но за это короткое время он успел вызвать всеобщее недовольство и ненависть к себе как среди придворной знати, так и среди духовенства, народа, а в особенности гвардии. Его обвиняли в том, что он с пренебрежением относился к православной вере, оскорблял своими указами Священный синод, гораздо больше питал любовь и привязанность к родной своей Голштинии, нежели к России, преклонялся перед врагом России Фридрихом II, которому стремился слепо во всем подражать, старался преобразовать русскую армию на прусский лад, окружил себя голштинскими солдатами и офицерами и т. д.

Глухая вражда к Петру Феодоровичу началась еще тогда, когда он был наследником престола. Даже сама императрица Елизавета Петровна, вызвавшая своего племянника из Голштинии и назначившая его своим преемником, относилась к нему враждебно и считала его недостойным занять всероссийский престол. Болезненно-вспыльчивый, слабый физически и нравственно, предававшийся всяким излишествам, малоразвитый, плохо воспитанный, Петр не обладал качествами, необходимыми для монарха. И даже среди близких к нему людей он не пользовался ни любовью, ни даже уважением, между тем как Екатерина Алексеевна успела приобрести много сторонников и приверженцев, которые с первых же дней воцарения Петра только и ждали момента, чтобы, при помощи гвардии, провозгласить ее императрицей. Арест одного из преданных Екатерине офицеров гвардии, П. Б. Пассека, ускорил решение. И вот на рассвете 28 июня Екатерина Алексеевна, приехав в Петербург из Петергофа, где она жила летом, направилась сначала в казармы Измайловского полка, который принес ей присягу как «самодержице всероссийской», а затем к Казанскому собору, где всенародно объявила о своем решении. Оно было принято с восторгом всеми — и духовенством, и дворянством, и народом, и армией.



Измайловский полк приносит присягу на верность императрице Екатерине II.

В манифесте от 6 июля императрица Екатерина сочла нужным подробно разъяснить, что Петр III своим пагубным «самовластием» возбудил против себя «неудовольствие народное», все отечество «к мятежу наклонил», так что «ни единого в народе уже не оставалося, кто бы не злословил его и не готов был на пролитие крови его», и «усерднейшие» к императрице «от народа избранные, верноподданные» склонили Екатерину «воцариться таким образом», каким она «ни намерения, ни желания никогда не имела».

На другой же день по восшествии на престол новая императрица послала коменданту Шлиссельбурге кой крепости, генерал-майору Силину, указ такого содержания: «Вскоре по получении сего имеете, ежели можно того же дня, а, по крайней мере, на другой день безыменного колодника, содержащегося в Шлиссельбургской крепости под вашим смотрением, вывезти из оной в Кексгольм, а в Шлиссельбурге в самой оной крепости очистить лучшие покои и прибрать».

«Безыменный колодник», о котором говорилось в указе, был бывший император Иоанн Антонович, а «лучшие покои в крепости» предназначались для Петра III Феодоровича, которого предполагалось доставить в Шлиссельбург из Ропши.

Согласно этому приказу, Силин вывез на лодке Иоанна Антоновича по направлению к Кексгольму — небольшой крепости на острове реки Вуоксы, при впадении ее в Ладожское озеро. Узник не знал, куда его везут, и не знал, откуда его везут, так как во все время в Шлиссельбурге от него скрывали, где именно он находится. Но до Кексгольма Силину не удалось добраться: бывшей на Ладожском озере бурей судно, на котором он вез Иоанна, разбило, и Силин вместе с узником высадились в деревне Мордя в тридцати верстах от Шлиссельбурга, где Силин решил ждать прибытия других судов.

Тем временем на имя Силина прислан был из Петербурга, доставленный ему в Мордю, другой приказ от имени новой императрицы: везти «безыменного колодника» обратно в Шлиссельбург. Этот новый приказ вызван был непредвиденным событием: Петра III в Ропше постигла неожиданная смерть 1, и таким образом помещение в Шлиссельбурге для нового узника не понадобилось.

2

Спустя месяц после водворения Иоанна Антоновича в

прежнее место его заточения, венчанного узника пожелала видеть сама императрица. Свидание состоялось в строгой тайне, и о нем узнали лишь значительно позже.

Оно убедило императрицу, что Иоанн, как было заявлено потом в манифесте, «лишен разума и человеческого смысла». Но все же Екатерина не решилась дать ему свободу и приказала оставить его в том же жилище, в котором он проводил время до тех пор, и лишь велела «дать ему возможное человеческое удовольствие» — улучшить пишу и т. п.

Иоанну было тогда 22 года. Это был юноша среднего роста, довольно слабого сложения, но здоровый, насколько, конечно, может быть здоров человек, всю жизнь проведший в заточении, лишенный движения, воздуха, общения с людьми.

Находившиеся при узнике капитан Власьев и поручик Чекин показывали впоследствии, что узник был косноязычен, при еде жаден и не разборчив в ней, сам себе весьма часто задавал вопросы и, отвечая, говорил, «что тело его — принца Иоанна, назначенного пред сим императором российским, который уже издавна от мира отошел, а на самом деле он есть небесный дух, а именно ев. Григорий, который на себя принял образ и тело Иоанна». Сказывал, что он часто на небе бывает, Чекина и Власьева еретиками называл, заявлял, что ему очень хотелось бы быть митрополитом и т. д. Был сердитого, горячего и свирепого нрава и никакого противоречия не сносил.

Согласно распоряжению Екатерины, узник был оставлен в Шлиссельбурге под надзором приставленных к нему еще при Елизавете Петровне капитана Власьева и поручика Чекина, причем последние были подчинены графу Никите Ивановичу Панину, на которого императрица возложила главное наблюдение над бывшим императором. Панин дал обоим офицерам подробную инструкцию, как они должны обращаться с арестантом, причем приказал заменить ему имя Григорий именем Гервасий.

3

Вскоре по вступлении на престол императрицы Екатерины II и кончине императора Петра III пошли слухи, будто императрица, чтобы упрочить свое положение, намерена освободить Иоанна Антоновича, вернуть ему все отнятые Елизаветой Петровной права и выйти за него замуж. Несмотря на то что Екатерина была много старше Иоанна и что шлиссельбургский узник признан был душевнобольным, многие верили слухам.

Некоторые горячо сочувствовали мысли вернуть Иоанну престол. К числу последних принадлежал бывший сибирский митрополит Арсений Мацеевич, низведенный Екатериной в простые монахи за оскорбление величества, превратные толкования Священного Писания и заточенный в Корельский Николаевский монастырь. По доносу одного офицера, бывшего у Мацеевича в 1767 году, он говорил, что Иоанн Антонович законный государь, ибо ему присягали, и что не Екатерине следовало царствовать, а Иоанну, и лучше было бы, если бы ее величество вступила в брак с Иоанном. Кроме того, Мацеевич предсказывал, что будет царствовать брат Иоанна Антоновича Петр, который содержался в Холмогорах и которому тогда было лет 15. Арсения Мацеевича отдали опять под суд и приговорили к отправлению в Сибирь, в Верхнеудинскую крепость. Приговор этот был затем изменен: Мацеевича заключили в Ревельскую крепость, причем, по приказанию Екатерины, велено было называть его не его именем, а «Андреем Вралем».

Арсений Мацеевич в Ревельском каземате.

4

В июле 1764 года на недельном карауле в Шлиссельбургской крепости стоял прибывший из Петербурга подпоручик Смоленского пехотного полка Василий Яковлевич Мирович.

У поручика Мировича уже задолго до этого явилась мысль освободить Иоанна Антоновича из заточения, увезти его в Петербург и при содействии артиллерийского полка возвести на престол.

О своем замысле Мирович хранил глубокую тайну. Он открыл ее только одному человеку, поручику Великолуцкого полка Аполлону Ушакову, который обещал свое содействие. Но Ушаков еще до приведения в исполнение заговора утонул. Лишившись товарища, Мирович решил один привести в исполнение свое предприятие. С этой целью он заготовил письмо к принцу Иоанну, манифест от его имени и ждал, когда его назначат караульным офицером в Шлиссельбург.

Ознакомившись подробно с расположением того помещения, где содержался Иоанн Антонович, Мирович в ночь с 4 на 5 июля 1764 года приступил к исполнению замысла, поднял на ноги караул и повел его в цитадель освобождать узника, причем открыл огонь по небольшому отряду солдат, охранявшему темницу Иоанна. Офицеры Власьев и Чекин, находившиеся неотлучно при узнике, отразили первый приступ, а затем, боясь, чтобы Мирович не осуществил своего намерения и, как они впоследствии заявляли, «чтобы отвратить бедствия и смуты», убили погруженного в сон Иоанна Антоновича.

Увидев труп принца, Мирович сложил оружие. Его арестовали и отдали под суд, который приговорил его к смертной казни. 15 сентября 1764 года ему в Петербурге была отрублена голова, а тело было сожжено вместе с эшафотом.

Одновременно с Мировичем пострадали и те солдаты, которые участвовали в попытке освобождения Иоанна Антоновича. «Трех капралов и трех рядовых, — гласил приговор, — прогнать сквозь строй чрез тысячу человек десять раз (одного же, более виновного, двенадцать раз) и сослать вечно в каторжную работу». Кроме того, понесли еще наказание подпоручик князь Чефарыдзев, который, зная о намерении Мировича, не донес об этом, и придворный лакей Касаткин, который в разговорах с Мировичем утверждал, будто есть толки в народе, что Иоанна возведут на престол. Первый из них лишен был чинов, посажен в тюрьму на шесть месяцев и разжалован в рядовые. Второй — наказан батогами и записан в рядовые в дальние команды.

5

Тело несчастного правнука царя Иоанна Алексеевича после его безвременной кончины[1] было сначала положено в Шлиссельбургской крепостной церкви. Огромные толпы сострадательных посетителей приходили поклониться праху усопшего. Вследствие этого дано было приказание запереть церковь.

Когда весть о смерти Иоанна дошла до Екатерины, находившейся тогда в Риге, императрица письмом от 9 июля к графу Н. И. Панину велела «безымянного колодника хоронить по христианской должности в Шлиссельбурге, без огласки».

Согласно этому повелению, погребение совершено было в самой Шлиссельбургской крепости, но где именно — неизвестно.

Император Александр I по вступлении на престол два раза приезжал в Шлиссельбург и приказывал отыскать тело Иоанна Антоновича, вероятно, с намерением перенести его в царскую усыпальницу в Петербурге. Но тела не нашли. Говорили, будто на самом деле тело Иоанна и не было предано земле в Шлиссельбурге, а вскоре после его кончины отвезено в большой Тихвинский Богородицкий монастырь, где, по сказанию старожилов, погребено в паперти Успенского собора, при самом входе. Но следов могилы несчастного императора и там не сохранилось.

В усыпальнице русских императоров, в Петропавловском соборе петербургской крепости, похоронены все венценосцы, начиная с Петра I. Одной только не достает там гробницы — с телом Иоанна Антоновича…

6

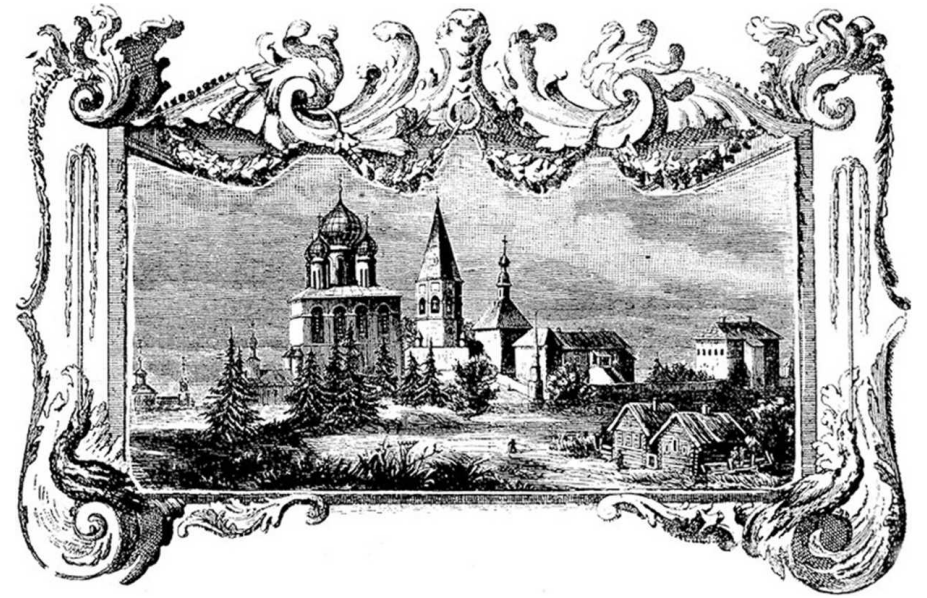
Весть о гибели «императора под запретом», как свидетельствуют воспоминания современников, вызвала в свое время общее сострадание в петербургском обществе. Подробности случившейся в Шлиссельбурге катастрофы передавали на разные лады. Многие обвиняли высокопоставленных лиц, подозревали даже, что весь заговор Мировича был предпринят с целью положить конец жизни Шлиссельбургского узника и избавиться от него навсегда. Ждали со стороны правительства официального разъяснения о кончине. Оно и было объявлено в особом манифесте за подписью императрицы Екатерины. И в этом манифесте — впервые после многих лет в официальном документе — было наконец названо имя бывшего императора,

было рассказано о его заточении, о том, что он жил «лишенный разума».

«Он не знал ни людей, ни рассудка, не умел доброе отличать от худого, — говорилось в манифесте, — так как и не мог притом чтением книг жизнь свою пробавлять, а за единое блаженство себе почитал довольствоваться мыслями теми, в которые лишение смысла человеческого его приводило».

Вид Шлиссельбурга на медали, отчеканенной при Петре I.

Холмогорские узники



1

Иоанн Антонович скончался, но в живых остался его отец, принц Антон-Ульрих, в живых же остались две его сестры, принцессы Екатерина и Елизавета, и два брата — Петр и Алексей. Они продолжали томиться в Холмогорах, и в их положении со смертью шлиссельбургского узника не произошло никакой перемены. Их по-прежнему продолжали считать опасными претендентами на всероссийский престол, боялись дать им свободу, дабы они не заявили своих прав.

Отрезанные от мира, лишенные возможности с кем бы то ни было сноситься, вести переписку, они печально влачили свое существование в стенах холмогорского архиерейского дома, не зная ничего о судьбе, постигшей бывшего императора, его заточении в Шлиссельбурге, его смерти. Кроме архангельского губернатора и офицеров приставленной для надзора за узниками команды, никто не мог их посещать, никто не мог их даже видеть. Высокий деревянный забор, у которого снаружи бессменно караулили солдаты, не давал им возможности шагу ступить за пределы отведенного им места заточения.

Как о месте заточения Иоанна Антоновича, так и о месте пребывания его родни правительство хранило строгую тайну, а в

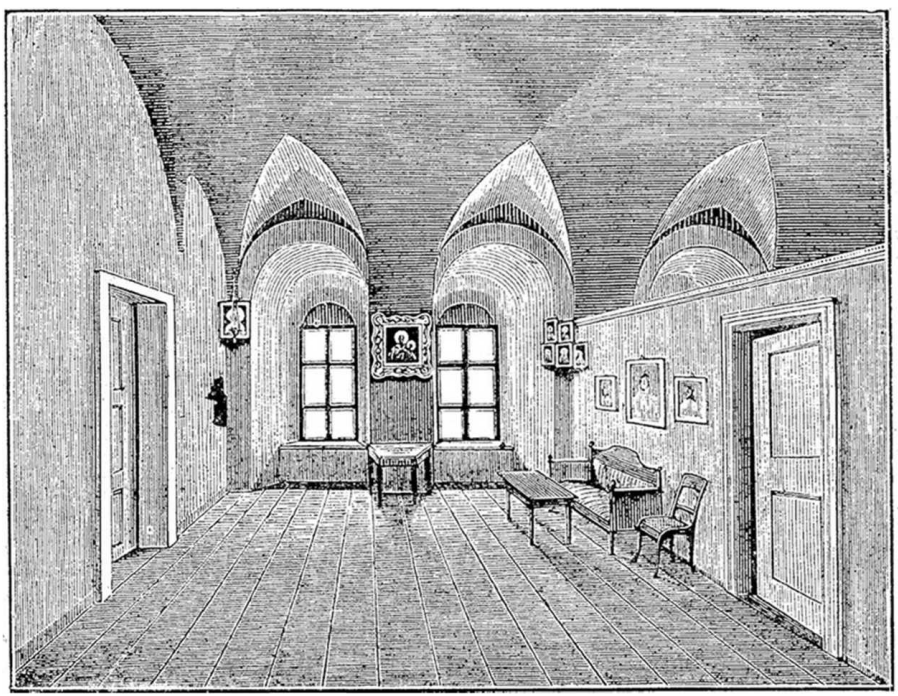
переписке, касавшейся принца Антона и его детей, называло их обыкновенно «известными персонами».

Даже жители Холмогор не знали, что в архиерейском доме живут отец, братья и сестры низложенного императора. Им было лишь известно, что в безмолвных стенах живут какие-то «важные арестанты», но какие именно, того не ведал никто.

Сами арестанты никого не видели, кроме людей, приставленных к ним для услужения. А когда кому-либо из заключенных нужен был врач, то для приглашения его требовалось предварительно разрешение архангельского губернатора.

И не только сами принцы и принцессы не могли сообщаться с внешним миром, но и лица, их окружавшие, прислуга и прочие не имели права выходить за ограду архиерейского дома. Команда, приставленная к узникам, разделялась на два отряда: верхнюю, находившуюся внутри ограды, и нижнюю, сторожившую снаружи; чины этих команд тоже не имели права сноситься между собой.

В таких условиях Брауншвейгская фамилия жила многие годы, а родившиеся в заточении принцы Петр и Алексей не имели даже понятия о том мире, который находился вне ограды их дома.



Комната принцессы Анны Леопольдовны в здании Успенского монастыря в Холмогорах.

Принц Антон-Ульрих прожил десять лет после кончины Иоанна Антоновича. Спустя некоторое время после шлиссельбургской катастрофы императрица Екатерина намеревалась освободить принца и выслать его в Германию, считая его неопасным, но тот не пожелал воспользоваться свободой, если дети его должны остаться в Холмогорах, и предпочел разделить с ними заточение. Под конец жизни Антон-Ульрих ослеп. Умер он 4 мая 1774 года. Тело его было похоронено внутри ограды дома, где арестанты содержались, близ церкви, в присутствии одних только находившихся в карауле нижних чинов, со строжайшим запрещением последним рассказывать кому бы то ни было о месте погребения.

Дети принца Антона — теперь уже взрослые — оставались в Холмогорском остроге после смерти отца еще шесть лет. Все они были болезненные калеки; старшая дочь, принцесса Екатерина, оглохла на восьмом году жизни и была до того косноязычна, что речи ее нельзя было понимать и братья и сестры объяснялись с ней знаками; Елизавета была подвержена головным болям и разным болезненным припадкам, впадала часто в меланхолию, страдала одно время помешательством; принц Петр был чахоточный, горбатый и кривоногий; здоровее других был самый младший, принц Алексей, хотя и у него, по донесениям приставленного к Брауншвейгской фамилии офицера Зыбина, бывали болезненные припадки. Братья и сестры жили дружно. Летом они работали в саду, ходили за курами и утками, зимой читали вместе церковные книги, играли в карты и шашки, бегали взапуски по пруду. Принцессы занимались также шитьем белья.

Средства на содержание узников присылались из Петербурга на имя архангельского губернатора, которому поручен был и главный надзор над Брауншвейгской фамилией.

2

В 1780 году приехал в Холмогоры из Петербурга вновь назначенный архангельский губернатор Мельгунов и объявил принцам и принцессам, что императрица Екатерина дарует им свободу.

Весть эта не особенно обрадовала узников. «Мы здесь родились, привыкли к здешнему месту и застарели, — объясняла принцесса Елизавета. — Теперь большой свет не только для нас не нужен, но и будет тягостен; мы даже не знаем, как обходиться с людьми, а выучиться тому уже поздно. В молодости своей мы надеялись еще научиться светскому обращению; но в теперешнем

положении не остается нам ничего больше желать, как только того, чтобы жить здесь в уединении. Рассудите сами, можем ли мы желать чего-нибудь, кроме этого. И мы просим лишь исходатайствовать у ее величества милость, чтобы позволено нам было выезжать из дома на луга для прогулки; мы слыхали, что там есть цветы, каких в нашем саду нет. И еще просим позволить женам офицеров, которые приставлены для надзора за нами, ходить к нам… Ничего больше мы не желаем».

Тем не менее Мельгунов, исполняя волю императрицы, увез принцев и принцесс из Холмогор к реке Двине, где их ожидало судно «Полярная Звезда». На этом судне они были доставлены в г. Берген, откуда на датском военном корабле «Марс» их перевезли в г. Горзенс, в Ютландии, в датских владениях.

Освобождение братьев и сестер Иоанна Антоновича из заточения в Холмогорах последовало по просьбе датской королевы Юлианы-Марии, приходившейся родственницей их отцу. Считая свое положение на престоле достаточно прочным, императрица Екатерина согласилась исполнить просьбу датской королевы. И после долгой переписки между русским и датским дворами решено было, что родня бывшего императора поселится в Горзенсе.

Перед тем как отпустить принцев и принцесс, императрица велела заготовить для них богатое платье, белье, шубы и снабдить их разными предметами — до брильянтовых перстней и осыпанных брильянтами табакерок включительно. Подарки эти ввели принцесс в смущение: среди присланных императрицей принадлежностей туалета было много таких, которые они не знали, как надевать и носить. «Сделайте милость, — говорили принцессы Мельгунову, — пришлите такого человека, который умел бы наряжать нас».

На обзаведение и содержание бывших узников в новом месте их пребывания императрицей Екатериной была отпущена довольно крупная сумма денег.

Полной свободы принцы и принцессы, однако, не получили.

В Горзенсе они были помещены под условием не уезжать оттуда куда бы то ни было, то есть являлись как бы ссыльными, и им сделано было предостережение, что если они забудут благодеяния государыни или, следуя наущениям и советам, не захотят оставаться в назначенном им месте, то потеряют всякое право на помощь от императрицы.

Так как принцы и принцессы были православной веры, а в Горзенсе не было ни православного священника, ни православной церкви, то императрица Екатерина отправила туда архимандрита Иосифа.

Бывшие холмогорские узники жили в Горзенсе тихо и дружно. Дольше других прожила старшая из принцесс, Екатерина. Сестра ее, Елизавета, скончалась в 1782 году, на 39 году жизни, принц Алексей в 1787 году, принц Петр в 1798 году. Принцесса же Екатерина дожила до 1807 года. Осиротев со смертью братьев и сестры, пятидесятилетней старушкой она желала возвратиться в Россию и постричься в монахини и послала по этому поводу в 1803 году длинное прошение на имя царствовавшего тогда императора Александра I. Просьба эта осталась без исполнения.

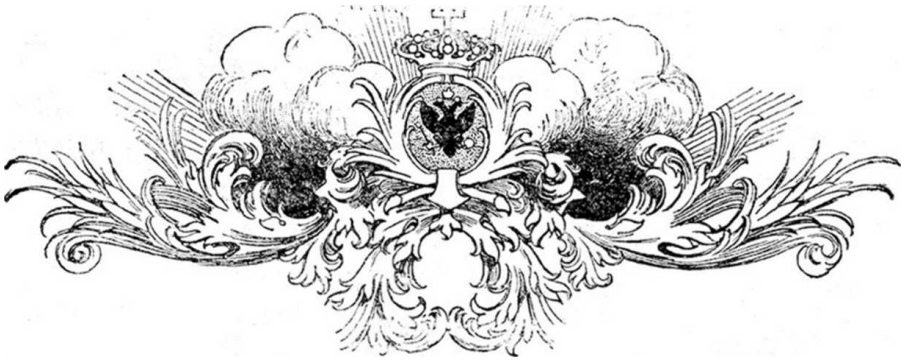
Как впоследствии рассказывал архимандрит Иосиф, принцесса Екатерина хранила у себя серебряный рубль с изображением Иоанна Антоновича. Этот рубль являлся для нее единственным воспоминанием о прошлом величии Брауншвейгской фамилии…

Незадолго до своей кончины, последовавшей 9 апреля 1807 года, принцесса Екатерина написала еще одно письмо императору Александру: она просила о пожаловании пенсии находившимся при ней людям. Эта просьба после смерти принцессы была уважена.

Оба принца и обе принцессы похоронены в Горзенсе, в местной лютеранской церкви.

Четыре гробницы, заключающие бренные останки несчастных родственников императора-узника, сохранились и до сих пор.

Заключение



Призрак злосчастного венценосца, томившегося двадцать три года в заточении, исчез. Опасение, что он при первом удобном случае вырвется из своего каменного мешка, заявит свои права и при содействии сочувствующих ему людей займет всероссийский престол, миновало. Однако искоренение его следов все же не прекратилось. Писать об Иоанне Антоновиче и его царствовании, о попытке освобождения его не позволялось, печатать его портреты было запрещено, в учебниках по русской истории его имя не упоминалось, даже говорить о нем считалось опасным. И это продолжалось несколько десятилетий.

Но прошли годы, и «император под запретом» приобрел, наконец, право на существование в памяти народной. Истребление документов, в которых упоминалось его имя, было приостановлено. В начале XIX столетия стали появляться исследования о нем, а в 1802 году было издано гравированное генеалогическое древо императора Александра I, на котором рядом с портретами Петра I, Екатерины I и других монархов и монархинь, предшественников Александра I, помещен был портрет Иоанна Антоновича. И эта гравюра беспрепятственно была пущена в обращение. Все же полное всестороннее изучение истории «запрещенного императора» стало возможным лишь в конце XIX столетия, когда одни за другими появлялись исследования о нем историков Соловьева, Семевского, Брикнера, Бильбасова, к которым впоследствии прибавились работы Платонова, Ключевского, Данилевского и др. Они пролили, наконец, свет на печальную судьбу «венценосца четырехсот четырех дней».

Иоанн Антонович перестал быть «императором под запретом». Отдельные эпизоды из истории многострадального царя, носившего это высокое звание лишь в младенчестве,

переименовывавшегося то в Григория, то в Гервасия, то в «известного арестанта» и «безымянного колодника», послужили даже сюжетами для романов, драм, повестей для юношества.

С общечеловеческой точки зрения судьба, постигшая Иоанна Антоновича, несомненно, представляется жестокой. И в самом деле, история не знает более несчастного государя, чем Иоанн III. Никакой вины за ним не было, и его несчастье было уготовлено другими людьми, которые еще до рождения будущего страдальца определили, что быть ему венценосцем. Это сознавали и Елизавета Петровна, и Петр III, и Екатерина II. Если все-таки, не довольствуясь лишением его престола, никто из них не решался изменить судьбу страдальца, дать свободу узнику, то это объяснялось как их личными соображениями, — опасением лишиться короны, — так и государственными интересами России, в жертву которым поневоле пришлось отдать свергнутого императора. Тем не менее невольно содрогаешься при мысли, что в лице «императора под запретом» пострадал ни в чем не повинный ребенок, о котором даже императрица Елизавета, свергнувшая его с престола, сказала, что он «не виновен».

Судьба навязала Иоанну Антоновичу непосильную для него ношу — императорскую всероссийскую корону, которую горсть людей незаконно отняла у прямых преемников Петра Великого. И Иоанну Антоновичу пришлось расплатиться своей жизнью за вины других…

«К несчастию рожденный» — так выразилась об Иоанне Антоновиче императрица Екатерина II. В лице этого «к несчастию рожденного» судьба, вопреки всем заветам справедливости, наказала невинного венценосца за вины других.

notes

Примечания

1

Точнее говоря, он был убит; но до некоторого времени подобный факт было в России невозможно напечатать.